

Изъ колыбели цивилизаціи ¹⁾).

(Письма изъ кругосвѣтнаго путешествія).

Я опять на родинѣ. Курьерскій поѣздъ мчитъ меня въ Харьковъ. Въ вагонѣ натоплено и душно. Въ окна разстилается на необозримое пространство снѣжная равнина, сливающаяся съ сѣрымъ, хмурымъ январьскимъ небомъ. Легкая мятель подвѣваетъ снѣгъ, онъ сыплется сверху, и трудно сказать, гдѣ кончается сумрачная бѣлая равнина и гдѣ начинается это снѣжное сѣрое небо. Жалкія лачуги, сгруппировавшіяся въ деревни, почти занесены снѣгомъ. Разбросанныя на громадныя разстоянія одна отъ другой, деревни кажутся погребенными подъ этимъ мертвящимъ бѣлымъ саваномъ, и мнится, что равнина, по которой несется поѣздъ, обречена на вѣрную смерть, что онъ самъ, этотъ облѣпленный снѣгомъ поѣздъ, все болѣе и болѣе замедляющій ходъ свой, скоро остановится, чтобы замерзнуть и, какъ все окружающее, быть погребеннымъ подъ снѣговымъ саваномъ. Но мысли мои далеки отъ этой безотрадной и грустной обстановки. Онѣ переносятъ меня назадъ, въ столь недавно покинутыя мною страны; онѣ переносятъ меня въ жаркія и такія же ровныя пространства Индіи, по которымъ точно такъ-же мчалъ меня поѣздъ, на лоно водъ Янтсекіанга, къ подножію горы Фузи, въ шумную толчею Санъ-Франциско...

Какъ странно послѣ этихъ муравейниковъ человѣческой жизни, гдѣ милліоны разумныхъ существъ жили и умирали не зная, что такое шуба, не зная, что топливо необходимо, чтобы не замерзнуть, и употребляется не для того только, чтобы варить пищу, а жилище предназначено для защиты отъ мороза,

¹⁾ Настоящая статья А. Н. является заключительной въ длинномъ рядѣ очерковъ, печатавшихся подъ общимъ заголовкомъ въ «Книжкахъ Недѣли» 1897 (последняя — въ декабрьской книжкѣ). Она даетъ хорошее представленіе съ одной стороны объ общемъ типѣ географическаго мышленія А. Н., растекающагося и прыгающаго каскадами по всѣмъ элементамъ описываемаго явленія, а съ другой объ своеобразной позиціи, занимаемой А. Н. въ соціально-политическомъ мышленіи.

Ред.

а не отъ дождя, — попасть теперь вновь въ эту морозную среду, въ эту атмосферу, которая была бы столь же губительна для этого человѣчества, какъ и для осѣняющихъ его пальмъ, бамбуковъ и вѣчно-зеленыхъ деревьевъ. Могла ли бы эта цивилизація и культура, своеобразныя проявленія которой мы видѣли, начиная отъ Египта и кончая Сандвичевыми островами, зародиться и существовать въ этой холодной и безотрадной обстановкѣ? И если субтропическій поясъ былъ истинною колыбелью человѣческой культуры, то не придется ли признать это царство холода областью ея агоніи, если даже не настоящею могилою? Исторія намъ говоритъ въ пользу этого предположенія. Царство снѣга и мороза, русская равнина не играла видной роли въ созданіи той культуры и цивилизаціи, которая, зародившись въ полутропическихъ странахъ Востока, передавалась затѣмъ отъ одного народа къ другому, при чемъ каждый послѣдующій, дополняя ее и совершенствуя, довелъ цивилизацію эту и культуру эту до той высоты ея, какую мы наблюдаемъ у культурныхъ народовъ далекаго Запада и Востока европейско-азіатскаго материка.

Россія и русская равнина не принимали активного участія въ созданіи этой цивилизаціи. Всякій разъ, когда носители ея являлись съ цѣлью ея насажденія, она не хотѣла здѣсь укореняться, являясь экзотическимъ растеніемъ, которое или гибло, какъ гибнутъ наши цвѣтники подъ дыханіемъ холоднаго октябрьскаго вѣтра, или оставалось тепличнымъ растеніемъ, дорого стоящимъ и требующимъ усиленнаго ухода.

Высокая культура, роскошные памятники, которой оставили намъ древнія греческія колоніи Тавриды, сохранилась лишь въ формѣ руинъ и предметовъ, доставляемыхъ раскопками могильниковъ и развалинъ. Она не проникала въ варварскія племена, кочевавшія сѣвернѣе Крыма. Какъ во времена Владиміра Святого палками и розгами загоняли народъ нашъ въ школы, а матери проливали горькія слезы объ отдаваемыхъ въ ученіе дѣтяхъ, такъ точно и теперь добрая $\frac{2}{3}$ крестьянскаго населенія Россіи, — а Россія вѣдь страна крестьянъ, — относятся съ такимъ же точно индифферентизмомъ къ образованію. Ихъ дѣти послѣ школы забываютъ пройденное, даже простую грамоту, — а новобранецъ 21 года нерѣдко столь же невѣжественъ, какъ и младшій братъ его, поступающій въ школу, пройденную старшимъ лѣтъ 10 тому назадъ. Войдите внутрь этой занесенной снѣгомъ избы. Вы тамъ встрѣтите обстановку сына природы, сына лѣса или степи, семья котораго почти все нужное приготовляетъ сама,

приготавливаетъ первобытнымъ и грубымъ способомъ, начиная отъ лаптей или малороссійской плахты и кончая грубымъ холстомъ и первобытною телѣгою. Копнитесь въ міросозерцаніи этого одѣтаго въ сермягу или овечью шкуру аборигена, и вы отшатнетесь съ ужасомъ, увидя, подъ тоненькой пленкою внушенныхъ идей, понятія доисторическаго варвара, временъ перваго заселенія Европы, понятія, гдѣ рука объ руку съ идеями греческой церкви ютятся представленія о душѣ, о силахъ природы и суевѣрія, тождественныя съ народами языческой Индіи, лишь выродившіяся и потерявшія яркость красокъ, въ блѣдной обстановкѣ полугиперборейской жизни.

И такъ живетъ добрыхъ 75% этого сто-милліоннаго населенія. Правда, это населеніе начинаетъ ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ, оно видитъ телеграфныя проволоки, протянутыя вдоль первобытныхъ шоссейныхъ дорогъ, мосты которыхъ и доселѣ еще старательно объѣзжаются благоразумными ямщиками. Правда, и у насъ есть и фабрики и заводы, и жители Петербурга и Москвы, подобно жителямъ Санъ-Франциско, вдыхаютъ благотворную для легкихъ копоть фабричныхъ трубъ и химическихъ заводовъ. Но возьмите списки нашихъ фабрикантовъ и крупныхъ торговыхъ фирмъ—и ваша иллюзія исчезнетъ. Прогуляйтесь по улицамъ любого столичнаго города и почитайте его вывѣски, и вы увидите, что эта промышленность и торговля въ лучшемъ случаѣ эксплуатируетъ силы русскихъ чернорабочихъ и приказчиковъ, находясь въ такой же зависимости отъ иностранныхъ предпринимателей, въ какой эти послѣдніе эксплуатируютъ грубую физическую силу полудикихъ народовъ. Правда, вы назовете десятки русскихъ фирмъ. Но эти десятки тонутъ среди тысячъ иностранныхъ и, какъ одна ласточка, не дѣлаютъ весны. Пусть эти иностранцы русскіе подданные — но они не продуктъ родной почвы и созданная ими промышленность есть лишь пышный чужеземный цвѣтокъ, воспитанный подъ колпакомъ высокихъ пошлинъ и покровительственной системы, цвѣтокъ, который завянетъ, какъ только будетъ предоставленъ росту подъ всѣми невзгодами естественныхъ условій развитія.

Toute la Russie est à vendre, говорятъ бельгійцы и говорятъ совершенно справедливо. Желѣзныя руды, угольныя копи, всевозможныя концессіи, начиная отъ электрическаго освѣщенія и до организаціи въ университетскихъ городахъ легковыхъ извозчиковъ, конокъ, водопроводовъ — все къ ихъ услугамъ, и въ то время, какъ капиталъ и знаніе вырываютъ изъ рукъ русскихъ предпринимателей и коммерсантовъ различныя отрасли

промышленности, громадныя территоріи, нѣкогда принадлежавшія крупнымъ землевладѣльцамъ юга Россіи, переходятъ въ руки колонистовъ, не имѣющихъ съ русскимъ населеніемъ ничего общаго, глубоко его презирающихъ — и являющихся причиною массоваго выселенія, точнѣе бѣгства этого полудикаго и полунищаго безземельнаго крестьянства въ еще болѣе гиперборейскую Сибирь. Невольно, смотря на эту картину, подумаешь, что нашу народную массу ждетъ та же печальная участь, что и другихъ сыновъ природы или точнѣе пасынковъ ея, которые не побѣдили суровыхъ условій существованія своего, но приспособились къ нимъ, какъ приспособились полярныя животныя къ холоду, или пустынные — къ сухости. На эти приспособленія ушли всѣ силы организма. Онъ закоснѣлъ въ нихъ, сталъ инертнымъ, неспособнымъ къ дальнѣйшему прогрессу атрибутомъ тѣхъ природныхъ условій, которыми онъ окруженъ. Измѣните эти условія — и погибнетъ самый организмъ, какъ исчезли дрофы и сайги со времени раскопки степей, или медвѣди исчезли изъ странъ, гдѣ вырубили лѣса. Такъ исчезали краснокожіе тамъ, гдѣ заводили свои факторіи бѣлые, такъ подчинялись малайцы голландцамъ — такъ нищаютъ и становятся экономическими рабами южноруссы съ момента водворенія среди нихъ нѣмцевъ и бельгійцевъ. И эти послѣдніе, подобно англичанамъ, игнорировавшимъ языкъ краснокожихъ, поселяясь среди нихъ, не желаютъ знать ни языка, ни обычаевъ аборигеновъ. Немалога труда стоило ввести русскій языкъ въ школы колонистовъ, несмотря на очевидную полезность его, привилегированные же французы и нѣмцы десятками лѣтъ эксплуатируютъ наше отечество, находя варварскій языкъ его черезчуръ труднымъ для своей гортани. Невольно видится впереди страшная перспектива полного подчиненія чуждой культурѣ, подчиненія безъ пролитія крови, безъ сраженій и пушечныхъ выстрѣловъ, какъ уже подчинились ей пасынки природы, полукультурные малайцы, разныя племена Индіи и Америки, уже стыдящіяся своего испанскаго происхожденія.

Таковы тѣ невеселыя мысли, которыя навѣвала на меня погребенная въ снѣга равнина, по которой съ медленностью, присущею всѣмъ нашимъ желѣзнымъ дорогамъ, приближалъ меня поѣздъ къ городу, который я годъ тому назадъ покинулъ, отправляясь въ свое кругосвѣтное путешествіе.

Но виноваты ли мы, русскіе, что культура наша не самобытна, такъ какъ то самобытное, что въ ней обыкновенно

ищутъ,—есть что-то слишкомъ первобытное, чтобы заслуживать названія культуры.

Если мы бросимъ бѣглый взглядъ на страны, затронутыя моимъ маршрутомъ, страны, гдѣ зародилась эта культура, которая легла въ основу нашей европейской цивилизаціи, мы увидимъ, что страны эти были поставлены въ условія совершенно инныя, чѣмъ наше отечество.

Исторія, или точнѣе, доисторія и археологія показываютъ, что ни Европа, ни Америка не могли быть родиною и колыбелью человѣческой культуры. Ни та, ни другая не имѣли достаточнаго запаса культурныхъ растений или способныхъ къ прирученію животныхъ, чтобы человѣкъ при ихъ помощи могъ выбраться изъ положенія батрака природы и создать какую-нибудь культуру. Въ тропической полосѣ онъ имѣлъ черезчуръ много всего, чтобы думать о завтрашнемъ днѣ, развивать свои мыслительныя способности и энергію. Въ полосѣ умѣренной и холодной онъ имѣлъ слишкомъ мало помощниковъ, чтобы сдѣлаться чѣмъ-либо лучшимъ, чѣмъ охотникомъ, подобно хищному звѣрю, развивающимъ только животныя инстинкты, выносливость, наблюдательность, хитрость, памятьливость на мѣсто и т. п.

Въ Америкѣ только *мансъ* являлся культурнымъ растеніемъ умѣреннаго пояса, на сѣверѣ, да картофель и *Chenopodium Quinoa* на югѣ, лама и альпака — единственными прирученными животными. Съ этими помощниками трудно было создать ту обеспеченную жизнь, которая позволила бы вдумываться въ причины вещей и создать хотя бы для *жрецовъ* ту науку, которая помогла культурному человѣчеству выйти изъ положенія рабовъ окружающихъ ихъ природныхъ условій.

Во внѣтропической Африкѣ точно также единственной помощницей человѣка была корова, боготворимая и почитаемая, но неспособная создать цивилизацію.

Только одна Азія была способна создать эту цивилизацію. Она одна имѣла въ своей флорѣ и фаунѣ запасъ растений и животныхъ, которыя, ставъ слугами человѣка, заставили его работать и думать о нихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, обеспечивъ существованіе по крайней мѣрѣ избранникамъ человѣчества, дали досугъ, необходимый для созданія науки.

Не ея жаркая полоса, нѣжившая и баловавшая человѣчество, создала эту культуру, и не холодныя ея гиперборейскія страны, гдѣ и донынѣ человѣкъ остается жалкимъ батракомъ природы, но умѣренный, точнѣе — субтропическій поясъ этой части свѣта. Здѣсь впервые холодная зима показала человѣку,

что безъ запасовъ жить трудно, и здѣсь же впервые природа дала человѣку въ руки орудіе для борьбы съ ея капризами. Но орудія эти въ разныхъ концахъ громаднаго континента были неодинаковыя.

Дальній Востокъ Азіи есть страна влажнаго субтропическаго климата. Этотъ климатъ создаетъ пышную полутропическую растительность, идущую, немного только измѣняясь, чрезвычайно далеко на сѣверъ. Нѣкогда это была страна дремучихъ дѣвственныхъ лѣсовъ и болотъ. Только культура человѣка расчистила здѣсь пашни, и стоитъ только забросить эти пашни, онѣ сейчасъ же вновь зарастутъ лѣсомъ. Здѣсь нѣтъ мѣста для пастбищъ. Здѣсь не было никогда тѣхъ травоядныхъ животныхъ, которыя могли бы быть помощниками человѣка, если не считать буйвола. Сюда привезенныя и введенныя породы по виду уже показываютъ, что онѣ чувствуютъ себя не по себѣ. Онѣ мелки, тщедушны, и признаки ихъ указываютъ на родство съ породами другихъ странъ.

Напротивъ, здѣшняя флора изобилуетъ великимъ разнообразіемъ полезныхъ растений, которыя одни во многихъ случаяхъ обезпечиваютъ существованіе культурнаго человѣчества. Тѣмъ существенно и отличается культура жителя дальняго Востока, что культура эта есть культура, созданная исключительно съ помощью растений. Конечно, теперь и въ хозяйствѣ китайца, и у японца играютъ извѣстную роль и лошадь, и корова, и буйволъ; но стоитъ только посмотрѣть на этихъ маленькихъ и тщедушныхъ тварей — лошадокъ и коровокъ, нерѣдко откармливаемыхъ нарѣзанною руками человѣка травой, собранною по окраинамъ полей, чтобы видѣть, что онѣ здѣсь не дома. Гибель домашнихъ животныхъ была бы причиною раззоренія крестьянина Запада, но благосостояніе японца измѣнилось бы весьма мало къ худшему, если бы вымерли его четвероногіе помощники.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Китая, какъ, напримѣръ, въ провинціи Хунань, до сихъ поръ обходятся безъ помощи животныхъ, обрабатывая поля руками, распахивая ихъ на людяхъ. Большая часть продуктовъ, поставляемыхъ намъ животнымъ міромъ, поставляется странамъ дальняго Востока растениями. Кожа, мясо, шерсть, сало—все здѣсь замѣняется соотвѣтственными продуктами растительнаго царства. Растенія Китая и Японіи достигаютъ такого богатства и разнообразія, что, благодаря имъ, здѣсь создалась культура, ничѣмъ не уступающая культурѣ цивилизованныхъ государствъ Запада. Японія съ ея 30-милліон-

нымъ населеніемъ, не уступающая по численности народа Англіи, до прихода европейцевъ не знала ни свиньи, ни овцы, ни осла, ни верблюда; лошадь и корова были распространены въ ней въ самомъ ограниченномъ количествѣ; до сихъ поръ населеніе ея не знаетъ за столомъ ни молока, ни мяса, и тѣмъ не менѣе мы видимъ, что японцы преуспѣваютъ не менѣе насъ на всѣхъ отрасляхъ промышленности, мануфактуры, науки и даже военного искусства. Въ то время, какъ мы едва насчитываемъ нѣсколько десятковъ полезныхъ растений, воздѣлываемыхъ на крестьянскихъ поляхъ нашихъ деревень, въ Японіи однихъ только годныхъ въ пищу растений воздѣлывается болѣе 430, вообще же полезныхъ человѣку растительныхъ формъ можно насчитать до 1,500. Они даютъ меню стола, несмотря на отсутствіе въ немъ хлѣба, молока и мяса, гораздо болѣе разнообразное, чѣмъ здѣсь, гдѣ къ нашимъ услугамъ всевозможные сорта мяса и дичи. Растеніе здѣсь кормить, освѣщаетъ и одѣваетъ человѣка. Отъ сандалій своихъ ногъ и до шляпы крестьянинъ Японіи одѣтъ въ растительные продукты. Онъ не знаетъ ни шерсти, ни кожи; масло, сало, воскъ, клей — все здѣсь изъ растительныхъ продуктовъ, и ухоть за дающими ихъ растеніями, характеръ питанія, все это не могло не отразиться на самомъ характерѣ культуры этихъ народовъ.

Не менѣе высокая, чѣмъ наша, она носитъ совершенно иной обликъ. Наша западная культура создалась, можно сказать, исключительно благодаря помощи животныхъ. Лошадь, овца, волъ и верблюдъ, если хотите, еще олень и коза помогли здѣсь жалкому сыну природы перестать быть батракомъ ея, обезпечили запасомъ пищи на голодное время и дали досугъ для мысленія, съ помощью котораго создалась наука, и сынъ Запада, ставъ нѣкогда господиномъ надъ животными, стремится теперь сдѣлаться господиномъ надъ людьми. На Востокъ не укротителя и покорителя, но воспитателя и культиватора создавала изъ человѣка его разнообразная флора, приучая къ мирному, кропотливому и усидчивому труду, дѣлая трудъ главнымъ стимуломъ жизни, и этимъ путемъ, путемъ конкуренціи на поприщѣ мирной работы и трудовой организаціи, сдѣлала народъ эти страшными даже для сыновъ Запада, съ ихъ крупновскими пушками и бездымнымъ порохомъ. Если не на поприщѣ науки, то на поприщѣ нравственной философіи народы эти опередили Западъ. Правда, мы владѣемъ высокою христіанскою моралью, но, если мы посмотримъ, поскольку мораль эта проникла въ народныя массы, мы увидимъ, какъ много еще надо сдѣлать въ

Могила проф. А. Н. Краснова въ Батумскомъ Ботаническомъ саду.

этомъ направленіи по сравненію съ тѣмъ, что сдѣлано въ народѣ послѣдователями Будды и Конфуція. Правда, мораль ихъ носить пассивный характеръ. Лао-Цзе видитъ идеаль въ водѣ, которая ниже всѣхъ, которую никто не видитъ, но вліяніе которой, благотворное и животворящее, чувствуется всюду. Христіанская заповѣдь любви къ ближнему, выражена Конфуціемъ легче исполнимой формулой: «не дѣлай ближнему того, чего не хочешь себѣ». Вся мораль Востока есть мораль непротивленія злу, и въ Китаѣ она вошла въ плоть и кровь народа, она доведена до столь крайнихъ степеней, что часто оскорбленный предпочитаетъ повѣситься на дверяхъ оскорбителя, вмѣсто того, чтобы вызвать его на дуэль, какъ то сдѣлалъ бы на его мѣстѣ его бѣлолицый братъ. Правда, и въ Китаѣ, и въ Японіи, и въ Индіи идеи философовъ не могли быть непосредственно восприняты народною массою. Эта послѣдняя приспособляла ихъ къ своимъ первобытнымъ суевѣріямъ, сводя на исполненіе внѣшнихъ обрядовъ и установленнаго духовенствомъ культа ученія нравственности, имъ проповѣданное. На этомъ пути они дошли до крайне уродливыхъ формъ. Но крайности эти врядъ ли больше тѣхъ крайностей, до которыхъ доходило христіанство Запада во время инквизиціи, и все же ученія Конфуція и Будды встрѣчали менѣе препятствій, были скорѣе понимаемы народною массою, чѣмъ великое откровеніе, данное на западѣ Азіи. Они вытекали изъ жизни, изъ самаго духа народа.

Эта растительная, вегетаріанская культура зародилась и достигла высшаго своего развитія на дальнемъ Востокѣ Азіи. Она здѣсь распространилась вдоль ея береговъ въ меридіональномъ направленіи также широко, какъ широко вдоль сѣвера Европы и Азіи распространилась культура русская. Но нашъ поселенецъ, двигаясь съ запада на востокъ, отъ океана до океана, встрѣчалъ сходныя съ отечественными условія жизни, тогда какъ житель Востока отъ Камчатки до Явы долженъ былъ пересѣкать всѣ температурные пояса. Но въ томъ то и лежитъ весь секретъ развитія и распространенія этой оригинальной цивилизаціи далекаго Востока, что, беря начало въ тропическомъ, изобилующемъ всевозможными произведеніями растительнаго царства поясѣ, она могла идти далеко на сѣверъ, встрѣчая условія, позволявшія растеніямъ этимъ развиваться столь же успѣшно. Двигаясь съ сѣвера на югъ, у насъ въ западной половинѣ Стараго Свѣта мы встрѣчаемъ столь различные типы природы, какъ хвойные лѣса Швеціи, воздѣланныя нивы и дубравы средней Европы, царство пинній, кипарисовъ и апельсиновъ юга,

пески и финиковыя пальмы Сахары и дѣвственные лѣса и саванны экваторіальной Африки. Совсѣмъ не то на Востокѣ. Здѣсь, двигаясь съ юга на сѣверъ, растительность находится въ сходныхъ условіяхъ. Измѣняется одинъ только факторъ — степень тепла — и то зимою, а не лѣтомъ, когда главный ростъ и когда она вездѣ близка къ тропической. Мы двигаемся здѣсь какъ бы въ громадномъ акклиматизаціонномъ саду, гдѣ растенія пріучаются къ болѣе низкой температурѣ, мельчаютъ, закаляются, измѣняются, наконецъ, вычеркиваются изъ списковъ за неспособностью переносить усиливающийся холодъ. Растительность, по мѣрѣ движенія къ сѣверу, вырождается, бѣднѣетъ, но черты ея отъ экватора и до Сахалина остаются тѣ же, одни виды лишь замѣняются соотвѣтствующими другими. Громадные бамбуки—неотъемлемая принадлежность тропическихъ ландшафтовъ Явы и окрестностей Сингапура; въ Японіи ихъ высота уже всего нѣсколько сажень; на Сахалинѣ и на Курильскихъ островахъ они хватаютъ только по поясъ, но и то и другое бамбуки. Въ горныхъ ущельяхъ Суматры, въ долинахъ Китая и Японіи и въ холодной Камчаткѣ вы можете гулять въ тѣни бора изъ сосенъ, видѣть ягоды растений, родственныхъ ежевикѣ, любоваться цвѣтами различныхъ рододендроновъ; до Кореи вы запутываетесь въ ліанахъ *Smilax*. *Citrum decumana*, знаменитый пампельмусъ или яванскій апельсинъ, больше человѣческой головы; въ Китаѣ онъ смѣняется нашимъ обыкновеннымъ апельсиномъ; въ южной Японіи преобладаетъ мандаринъ, на ея сѣверѣ *Citrus japonica* не болѣе орѣха—но все это апельсины. Чайное дерево Ассама—это дерево; въ Японіи это низкорослый кустъ.

Такихъ примѣровъ можно дать безъ числа. Что жъ удивительнаго, что человѣкъ Востока, замѣняя одну родственную форму другою, могъ здѣсь передвигаться въ меридіональномъ направленіи такъ же легко, какъ мы двигались въ широтномъ,—не мѣняя ни своей системы, ни своихъ правилъ. Что жъ удивительнаго, что здѣсь развился строй жизни своеобразный, этою растительностью и климатомъ созданный, существенно отличный отъ нашего.

Цивилизація Запада создана не растеніемъ, а животнымъ. Если древніе арійцы знали пшеницу, ленъ и коноплю и если у нихъ было грубое земледѣліе, то земледѣліе это, какъ и у нашихъ осѣдлыхъ киргизъ, было *подспорьемъ* къ скотоводству. Безъ него они могли бы легко обойтись, какъ обходятся безъ него настоящіе номады, питаются айраномъ и мясомъ животныхъ, одѣваясь ихъ шкурами, строя подвижной домъ-юрту изъ ихъ

шерсти, употребляя ихъ какъ средство для передвиженія. Если востокъ Азіи — родина главныхъ культурныхъ растеній человѣчества, то западъ и центръ ея такая же родина его четвероногихъ рабовъ и помощниковъ. Можно сильно усумниться, ушелъ ли бы сынъ запада Азіи далеко по пути прогресса со своею пшеницею, если бы пшеницу эту ему пришлось, подобно рису, воздѣлывать руками и вспахивать необъятныя равнины полей на своихъ женахъ или рабахъ.

Лишь наложивъ тяжелое ярмо на своихъ четвероногихъ собратовъ, полуживотное доисторическаго періода, человѣкъ создалъ себѣ человѣческія условія жизни, сдѣлался человѣкомъ. Но человѣкъ этотъ былъ иной, чѣмъ человѣкъ Востока. Его культура, его прогрессъ основывался на эксплуатаціи и грабежѣ. Жрецы древности эксплуатировали невѣжество толпы, но они создали науку, которая дала силу религіознымъ профанамъ эксплуатировать силы природы. Все земледѣліе Запада сводилось сперва на эксплуатацію силъ животныхъ для грабежа почвы. Когда явилось болѣе организованное общество, оно пользовалось своею силою, чтобы такимъ же образомъ эксплуатировать силы людей, создавая рабовъ и крѣпостныхъ.

Но эти рабы и эти крѣпостные дѣлали лишь то же, что и хозяева ихъ—безпошадно грабили природныя богатства страны и, ограбивъ и истощивъ одну, стремились грабить другую, пользуясь животными, какъ удобнымъ средствомъ передвиженія. Въ то время, какъ воздѣлывающій свои растенія кигаецъ такъ привязанъ къ своей почвѣ, что разстается съ нею лишь въ случаѣ крайней нужды, — лишь послѣдняя степень лишенія заставляетъ его дѣлаться торговцемъ, военнымъ или покидать свою родину, и то подъ условіемъ, чтобы трупъ его былъ отосланъ въ Китай,—сынъ западной Азіи привязанъ къ своей почвѣ весьма условно. Вся Европа заселилась выходцами изъ Азіи, нашедшими, что лучше, пользуясь ногами своихъ животныхъ, искать новыя земли, чѣмъ улучшать старыя. Вся исторія европейской культуры есть исторія нашествій одного народа на другой. Ограбивъ побѣжденныхъ, побѣдители пользовались полученнымъ отъ побѣжденныхъ наслѣдіемъ знаній и науки и, дополнивъ ее своимъ небольшимъ вкладомъ, шли завоевывать сосѣдей, чтобы повторять съ ними то же самое, пока сами не дѣлались жертвою набѣга болѣе сильнаго врага. Самобытность культуры нашихъ народовъ Запада болѣе чѣмъ сомнительна. Эти культуры французовъ, нѣмцевъ, англичанъ и итальянцевъ суть лишь слабые оттѣнки одной и той же культуры, образо-

вавшейся изъ разнообразнѣйшихъ наслоеній на культурное ядро, зародившееся гдѣ-то далеко на западѣ центральной Азіи. И что же удивительнаго, что когда одного китайца, объѣздившаго всѣ государства Европы, спросили: чья культура ему болѣе нравится, онъ отвѣтилъ: право, затрудняюсь сказать—онѣ всѣ такъ похожи одна на другую. Сущность этой культуры—хищеніе и эксплуатація чужого труда. Крестьянинъ расхищаетъ естественныя богатства края и, расхитивъ и раззоривъ край, стремится повторять то же въ другихъ частяхъ свѣта: русскіе—въ Сибири, англичане—въ Канадѣ или Австраліи, нѣмцы—въ Африкѣ, южной Россіи, южной Америкѣ, имѣя совершенно непонятный для жителя Востока лозунгъ: *ubi bene, ibi patria*, гдѣ хорошо—тамъ и отечество. Современная сила есть капиталъ, и вездѣ капиталъ направленъ на эксплуатацію ближняго: и въ нищенской Россіи, и въ обѣднѣвшей Германіи, и въ страдающей отъ обилія денегъ и изобилующей природными богатствами Америкѣ. И какъ религіозному авторитету своему были обязаны жрецы древности, что имъ удалось формулировать мысли и идеи умнѣйшихъ людей въ младенческую науку древности, такъ, несомнѣнно, капиталу обязаны мы главными характерными и отличающимися отъ восточныхъ чертами нашей современной цивилизаціи—высокому развитію естественныхъ и математическихъ наукъ и технологіи и фабричной промышленности въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Безъ капиталовъ немыслимы бы были ни наши пароходныя и желѣзнодорожныя сообщенія, ни наши примѣненія электричества, новыхъ металловъ, химическихъ соединений и открытій новѣйшей науки. Въ этомъ направленіи движется весь прогрессъ Запада, и нигдѣ онъ не достигъ такого полнаго выраженія, какъ въ Америкѣ.

Тотъ же инстинктъ передвиженія, завоеванія и захватовъ, который вывелъ изъ Азіи древнихъ арійцевъ и германцевъ, въ вѣкъ науки и промышленности создалъ ту же алчную подвижность, заставившую ихъ разползтись по всему міру и съ помощью пара и электричества подчинить себѣ остальной міръ, точнѣе—подчинить его своей промышленности.

И путь, по которому шли эти уже высоко-культурные завоеватели, все тотъ же. Это былъ тотъ же грабежъ, не съ оружіемъ въ рукахъ, но съ усовершенствованными орудіями XIX вѣка, грабежъ природы и людей, ведшій къ накопленію роскоши и богатства въ рукахъ немногихъ лицъ и державшій въ нищетѣ и убожествѣ тысячи. Когда я сравнивалъ картины природы Мадейры или окрестностей Неаполя, послѣ еще неиз-

гладившагося впечатлѣнія, оставшагося отъ Японіи, меня поражала та загаженность, изуродованность, обобранность природы, которая, бросаясь въ глаза на каждомъ шагу, дѣлала невозможнымъ восхищаться ландшафтомъ Неаполя съ Camalololi, ландшафтомъ, лучшимъ въ Европѣ, про который сложилась поговорка: *Vedere Napoli e poi morì*. Когда вы видите эту землю, какъ соты, перегороженную тысячами перекрещивающихся каменныхъ заборовъ, отдѣляющихъ частную собственность отдѣльныхъ лицъ, эти массы развалившихся и разваленныхъ построекъ, эту бурьянную растительность, эти безобразно посаженные деревья съ обрубленными вѣтвями, эти истребленные лѣса, всю эту обобранную, загаженную природу, вы можете восхищаться только цвѣтомъ моря, да формами горъ, измѣнить которыхъ не успѣла рука человѣка.

Точно такъ же эта постоянная смѣна завоеваній навсегда оставила слѣдъ на отношеніяхъ человѣка къ человѣку. Сильный никогда не уважалъ слабого, и работа была достояніемъ этого послѣдняго. Сколько разъ въ Россіи даже я бывалъ свидѣтелемъ, какъ люди, вышедшіе изъ простыхъ крестьянъ, изъ каменоломовъ, съ презрѣніемъ смотрѣли на физическій трудъ, разъ только находили возможность получать какихъ-нибудь 30—40 рублей жалованья. Подмести полъ, принести ведро съ водою, особенно еще на глазахъ другихъ, имъ казалось какимъ-то униженіемъ своей личности. А заикнитесь о физическомъ трудѣ многимъ изъ получившихъ образованіе, такъ-называемыхъ привилегированныхъ, и они посмотрятъ на это какъ на личное оскорбленіе.

Рядомъ съ этимъ развивается сословность, которая такъ чужда культурѣ дальняго Востока. Эта сословность создаетъ пренебрежительное обращеніе сильнаго со слабымъ, богатаго съ бѣднымъ и грубость нравовъ среди этихъ послѣднихъ. Американецъ своими манерами производитъ впечатлѣніе дикаря передъ деликатностью обращенія китайца и японца, и я предпочелъ бы манеры японскаго чернорабочаго манерамъ американскаго или нѣмецкаго буржуа.

Всякаго рода брань и кулачная расправа, къ которой такъ охотно прибѣгаютъ мои соотечественники безъ различія степени образованія и развитія, — внѣ всякаго пониманія у японцевъ. «Не знаю, что могло случиться съ моимъ господиномъ, — говорилъ лакей одного иностранца лакею другого, — онъ, кажется, совсѣмъ съ ума сошелъ — онъ выругалъ меня болваномъ и скотомъ». — «А мой, — отвѣтилъ собесѣдникъ, — унизилъ себя до того, что позволилъ себѣ ударить меня по лицу...» Намъ много

еще придется ждать того времени, когда даже «культурные» люди наши dorocтyтyт до пониманія, что лѣзть въ минуту раздраженія съ кулаками есть униженіе для наносящаго удары, обращающагося въ звѣря, человѣка.

Культура Запада слагалась изъ ряда завоеваній, когда завоеватели, поправъ честь завоеванныхъ, ограбивъ ихъ, мало-по-малу на руинахъ стараго создавали что-то новое, болѣе совершенное. Востокъ непрерывно развивался по одному направленію. Культура Запада переносилась съ мѣста на мѣсто, начавшись въ Ассиріи и кончившись въ Америкѣ. Китай не перемѣнялъ своего насижennaго мѣста. Правда, и его завоевывали, но завоеванія кончались тѣмъ, что завоеватели во всемъ подчинялись завоеваннымъ и сливались съ ними. Такъ было съ татарами, монголами и манчжурами. Не надо думать, что китайская цивилизація оставалась всегда одною и тою же, какою она создалась тысячелѣтія тому назадъ. Она развивалась и прогрессировала, она прогрессируетъ и теперь, но такъ какъ ходъ развитія ея иной, въ ней нѣтъ болѣзненныхъ революцій и ломокъ старыхъ традицій, то мы не видимъ, или вѣрнѣе, не хотимъ видѣть этого прогресса. Китай постоянно совершенствовалъ то, что было основано въ стародавнія времена, примѣняя къ новымъ условіямъ жизни. До столкновенія съ европейцами онъ имѣлъ дѣло только съ болѣе дикими народами, если не считать Индіи, и неудивительно, что его культура была не рядъ наслоеній разныхъ заимствованій, а самобытное развитіе, лишь слегка измѣненное индійскимъ вліяніемъ.

И Китай имѣлъ революціи, но революціи эти имѣли слѣдствіемъ смѣну династій, но не измѣненіе государственнаго порядка. Цивилизація Китая развивалась непрерывно и безъ постороннихъ вліяній 4000 лѣтъ. Это цивилизація вполнѣ самобытная, и въ этомъ лежатъ всѣ ея достоинства и недостатки.

И какой контрастъ этому, быть можетъ, нѣсколько одностороннему развитію китайской культуры представляетъ революціонный Западъ. Онъ не имѣлъ въ исторіи развитія своей культуры руководящей доктрины, онъ всегда пренебрегалъ, ломалъ предыдущее, стремясь къ будущему, безъ уваженія къ прошлому, все болѣе и болѣе увеличивая интеллектуальную анархію. Въ немъ мы видимъ постоянныя стремленія къ порабощенію слабаго сильнымъ, бѣднаго богатымъ. Въ то время какъ Китай, распространивъ свое вліяніе на одну треть чело-вѣчества Азіи, сдѣлалъ его китайцами, народы Запада, раскинувъ свое могущество на остальные 4 части свѣта, вызвали или

полное вымирание покоренныхъ народовъ, или сдѣлали ихъ фактически или экономически рабами, или вызывали и вызываютъ постоянныя ихъ возстанія, въ родѣ тѣхъ, какія наблюдаются въ Индіи въ настоящее время. Эти двѣ цивилизаціи — европейско-американская и китайская — теперь стоятъ другъ противъ друга, и настанетъ часъ, когда онѣ должны дать окончательное сраженіе.

Въ грандіозномъ масштабѣ должна повториться картина, которую представляла когда-то старая, распадающаяся, но высоко-культурная Византія, когда по другую сторону моря, отдѣлявшаго ее отъ Азіи, стояли дикіе турецкіе варвары, но варвары со строгою военною дисциплиною, съ совершенными орудіями для войны и съ энергіею и стойкостью свѣжаго народа. Византія пала подъ ихъ напоромъ; турки, овладѣвъ ею, растворились въ ея культурныхъ массахъ, потеряли свой національный обликъ, и исламъ, ведя непосредственную борьбу съ христіанствомъ, настолько ослабилъ себя и противника, что до сихъ поръ Балканскій полуостровъ представляетъ одну изъ наиболѣе отсталыхъ и варварскихъ частей Западной Европы. Но муравейникъ, всполошенный разгромомъ, далъ себя чувствовать всей Европѣ. Идеи греческихъ ученыхъ, вынесенныя бѣглецами изъ отечества, вызвали культурное перерожденіе молодой Европы, лучше турокъ оказавшейся способною ихъ воспринять, и она далеко шагнула впередъ по пути прогресса.

Теперь не съ оружіемъ въ рукахъ, но съ тѣми же алчными инстинктами завоевателей и поработителей стоитъ эта арійская культура, зародившаяся въ западной Азіи и совершившая побѣдоносное шествіе черезъ Европу и Америку, на берегахъ Тихаго океана, готовая переброситься черезъ его мощную ширь въ Азію и накинуться на дряхлый и во многихъ отношеніяхъ отсталый, разлагающійся Китай, природныя, нетронутыя богатства котораго не даютъ спать англо-саксонскимъ предпринимателямъ. Они отбросили первыя волны монгольскихъ конкурентовъ, закрывъ штаты Америки и Австраліи для желтолицыхъ. Но даже здѣсь, трудно сказать, одержана ли побѣда, такъ какъ остальное побережье Америки, отъ Канады и до Чили, продолжаетъ наводняться китайскими рабочими и персоналъ командъ тихоокеанскихъ судовъ состоитъ почти исключительно изъ нихъ же. Японія же отправляетъ рейсы за рейсомъ изъ судовъ чисто японскихъ компаній.

Эта страна Восходящаго Солнца является настоящею ареною для борьбы культуръ Востока и Запада. Ея жители, —

собственно лишь ученики китайцевъ,—сразу почувствовали угрожающую имъ опасность. Они отреклись отъ доктринъ своихъ учителей, облеклись въ европейское платье, призвали европейскихъ профессоровъ и, дрессированные въ трудъ китайскою школою, съ невѣроятною быстротою и съ переимчивостью скопировали всѣ европейскіе порядки. Они скоро превзошли своихъ новыхъ учителей. Администрація, войско, народное образованіе, желѣзныя дороги и телеграфы, фабрики, снятые съ европейскихъ образцовъ, теперь уже могутъ служить образцами для европейцевъ. Можно было опасаться, что Японія, подавленная не столько европейскою, сколько американскою культурою, заговоритъ по-англійски и сдѣлается сколкомъ своей заокеанской сосѣдки. Но, повидимому, это подчиненіе европеизму было лишь стратегическою уловкою. Духъ культуры Востока воспрянулъ вновь въ странѣ Восходящаго Солнца, вызвавъ протесты со стороны патріотовъ и шовинистовъ. Покинувъ 3 года тому назадъ Японію, одѣтую въ пиджаки, я засталъ ее, до профессоровъ включительно, одѣтую въ кимоно. Въ ея газетахъ и журналахъ появляются шовинистическія статьи, о характерѣ которыхъ можно судить по англійскимъ оригиналамъ японскаго автора Kanzo Nichimura, находящимся въ моихъ рукахъ. Несмотря на многія увлеченія молодого японца, нельзя съ нимъ во многомъ не согласиться. Онъ указываетъ, что Японіи предстоитъ роль примирителя цивилизацій восточной и западной. Эта вулканическая страна, съ пылкимъ, впечатлительнымъ народомъ, единственная изъ всѣхъ восточныхъ націй способна быстро воспринимать европейскія идеи, будучи въ то же время столь же восприимчива къ идеямъ азіатскимъ. Дѣйствительно, мы въ Японіи видимъ вездѣ попытки согласовать съ азіатскими идеями европейскіе порядки, мы видимъ стремленіе сдѣлать дешевымъ, доступнымъ всей массѣ народа, то, что дорого, доступно богачамъ въ Европѣ. Бѣдное крестьянское населеніе получаетъ здѣсь образованіе, доступное немногимъ городскимъ жителямъ Россіи; крестьянинъ зажигаетъ электрическую лампочку въ своемъ домѣ; телефоны, желѣзныя дороги здѣсь дешевле и доступнѣе, чѣмъ гдѣ-либо; дорогіе приборы дѣлаются за гроши, путемъ успѣшной конкуренціи коллективнаго кустарнаго труда съ фабричнымъ. Нишимура, быть можетъ, нѣсколько увлекаясь, пишетъ: «Нація, гордящаяся тѣмъ, что владѣетъ шестою частью лучшихъ земель земного шара и, несмотря на то, имѣющая громадную пропорцію населенія ихъ въ состояніи жалкой нищеты, едва ли можетъ быть названа совершенною націею.

Какъ ни малы мы, японцы, и статистика, и общее впечатлѣніе показываютъ, что у насъ наименьшій процентъ бѣдняковъ и изъ всѣхъ бѣдняковъ міра они находятся въ наилучшихъ условіяхъ».

«Наши ткачи—пишетъ онъ далѣе—вытѣсняють англійскихъ машинистовъ съ Востока, и настаетъ время, когда наши берега увидятъ результаты ихъ трудовъ. Швейцарія должна намъ уступить мѣсто въ производствѣ часовъ, а Фландрія—въ производствѣ тканей. Мы побьемъ міръ кончиками нашихъ пальцевъ!»

Но все-таки Японія слишкомъ подавлена превосходствомъ американской цивилизаціи. Шагъ за шагомъ она уступаетъ свои традиціи и, такъ-сказать, европеизируется—и скорѣе на почвѣ Китая столкнутся эти двѣ несходныя культуры. И думается мнѣ, культура, требующая отъ человѣка нравственнаго совершенствованія на мѣстѣ, культъ семьи и сыновнихъ обязанностей, культъ труда съ цѣлью довольствоваться малымъ, имѣть комфортъ, не переходящій въ роскошь, слишкомъ противоположны по духу борьбѣ за преобладаніе, стремленію къ безумной роскоши, покупаемой цѣною жизни тысячъ нищихъ, и культурѣ, основанной на грабежѣ природы, которая свойственна заокеанскимъ сосѣдямъ. Кто одержитъ верхъ въ борьбѣ двухъ колоссальныхъ цивилизацій, шедшихъ навстрѣчу другъ другу—одна на востокъ, другая на западъ,—сказать не трудно. Сила круповскихъ пушекъ, быстроходныхъ фрегатовъ и миноносокъ, равно какъ бездымнаго пороха и обученныхъ по прусскому образцу армій сломить перековавшій плуги на мечи Китай, но если сломится и вѣковая его культура, то врядъ ли на этихъ развалинахъ легко будетъ создать что-либо новое. Не повторится ли здѣсь то же, что съ древней Византіей, и не суждено ли будетъ великими идеями Востока воспользоваться болѣе свѣжей націи, цивилизація и культура которой еще не вылилась въ опредѣленныя формы, которая поэтому гибче, воспримчивѣе къ новымъ условіямъ жизни, къ новымъ требованіямъ.

Изъ всѣхъ народовъ мы, русскіе, наиболѣе, въ Старомъ свѣтѣ, по крайней мѣрѣ, подойдемъ подъ это требованіе. По характеру своему наша народная масса столь же воспримчива къ идеямъ Азіи, какъ и Европы. На это указывали уже многіе. Правда, поскольку японцы являлись учениками Китая, мы были учениками Европы, хотя надо сознаться—плохими учениками. И мы грабили природу, и мы шли по пути эксплуатаціи инородцевъ и себѣ подобныхъ. Но гиперборейскія условія страны нашей не позволяли никогда аппетитамъ разыгрываться до раз-

мѣровъ англійскихъ или испанскихъ, а сибирскіе просторы ослабляли крайности борьбы за существованіе. Чуть усложнялись въ Европейской Россіи условія жизни — открывала свои двери Сибирь, — а тамъ среди дикарей и природныхъ богатствъ можно было продолжать вести прежній некультурный строй жизни, скорѣе регрессируя, чѣмъ прогрессируя на пути цивилизаціи. Въ этомъ, а не въ условіяхъ русской природы, главная причина нашей отсталости и медленности культурнаго прогресса. Такъ мы дошли до Тихаго океана, гдѣ застаемъ теперь эту борьбу двухъ встрѣтившихся противоположныхъ цивилизацій, которая должна положить конецъ нашей косности, создавъ на Востокѣ тѣ культурныя начала, отъ которыхъ исторія насъ отодвигала на Западѣ. Мы, сыны обдѣленной Богомъ природы, казалось бы, не могли ждать себѣ блестящей будущности. Но, вѣдь древніе германцы лѣсовъ средней Европы природою также были обречены быть дикарями. Цивилизація зародилась въ лѣлѣвшихъ человѣчество субтропическихъ странахъ. Тамъ оно впервые выработало орудіе для побѣды природы, и народы средней Европы, только получивъ орудіе это изъ чужихъ рукъ, могли съ его помощью побѣдить свою природу и создать свою высшую цивилизацію и культуру. Эта новая культура, культура пара, электричества, сводитъ на нуль причины, тормозившія нашъ прогрессъ, она позволитъ побѣдить эту еще болѣе суровую природу, какъ побѣдили природу умѣреннаго пояса ея жители орудіями, взятыми изъ колыбели цивилизаціи. До сихъ поръ мы двигались на Востокъ, уступая наши территоріи постороннимъ. Теперь намъ идти некуда. На Востокѣ идетъ борьба двухъ цивилизацій, продуктъ которой — цивилизація высшаго порядка, — должна принадлежать намъ.

Цивилизаціи Востока и Запада суть цивилизаціи, вылившіяся въ опредѣленныя формы, получившія опредѣленную фізіономію. Но въ этомъ лежитъ причина ихъ меньшей гибкости, меньшей способности приспособляться другъ къ другу и, измѣняясь, давать нѣчто новое, болѣе совершенное. Это тотъ же законъ, что наблюдается во всемъ органическомъ мірѣ, гдѣ дальнѣйшему прогрессу при измѣненіи условій всегда подлежатъ не достигшія большей сложности и законченности формы, но тѣ, которыя, недоразвившись, болѣе пластичны и способны развиваться въ новомъ направленіи, недоступномъ для старыхъ. Такую недоразвившуюся культурную форму представляетъ Россія. Побѣдивъ съ помощью европейской техники недостатки своего географическаго положенія, это она, а не Японія, должна согла-

силь на своей громадной территоріи противорѣчія дальняго Востока и дальняго Запада, воспринявъ ихъ на своихъ окраинахъ, и, получивъ толчокъ оттуда, создать своими еще молодыми силами новую, болѣе обще-человѣческую и высокую культуру, согласовавъ требованія морали Востока, всегда стоявшія у ея писателей и дѣятелей на первомъ мѣстѣ, съ требованіями науки, на поприщѣ которой она уже достаточно заявила себя на Западѣ. Съ Востока должны мы ждать этого толчка и проведенія этой задачи, подтвердивъ древнее выраженіе: Ex oriente lux.

Сонъ на Черномъ морѣ ¹⁾.

Сонъ на морѣ, диво сонъ,
Одесса, Май и Коста:
Я пью и кольми паче онъ!
Не тостъ, а триста тостовъ!

Куручкинъ.

По обыкновенію, вставши рано утромъ, я поспѣшилъ на станцію Махинджаури, чтобы ѣхать на Чакву. Къ моему удивленію, вмѣсто поѣзда, подошелъ вагонъ электрическаго трамвая, куда вмѣстѣ со мною устремилось около десятка пассажировъ, гг. туристы-иностранцы. Не успѣлъ я сѣсть, какъ мы быстро помчались по направленію къ Зеленому мысу и, пролетѣвши чрезъ тунель, остановились передъ чѣмъ-то въ родѣ парадно-убраннаго вокзала. Я вышелъ вмѣстѣ съ остальными пассажирами, и передъ нашими глазами открылось невиданное ранѣ зрѣлище. Широкій, прекрасно шоссированный бульваръ былъ обсаженъ высокими пальмами. Это были пальмы различныхъ тропическихъ странъ. Пышная финиковая пальма Сенегала, стройныя и гибкія кокосовыя пальмы, видѣнныя мною только на фотографіяхъ городовъ южной Бразиліи, царственные Oreodoxa чередовались правильно другъ съ другомъ, обрамляя бульваръ, превосходившій роскошью цвѣтниковъ всѣ пальмовыя аллеи Ривьеры. Онъ мнѣ напомнилъ то, что приходилось видѣть въ тропическихъ городахъ Мексики. Группы громаднхъ банановъ смѣнялись здѣсь съ усыпанными, какъ бѣлыми лиліями, цвѣтами древовиднаго дурмана (*Datura arborea*), огненно-красными коралловыми деревьями, невысокими, усыпанными цвѣтами цезальпаніями и олеандрами. Среди этихъ тропическихъ цвѣтниковъ громадными кустами возвышались причудливыя соланумы. Какъ на какомъ-нибудь базарѣ—въ родѣ тѣхъ, что устраиваются у насъ въ Петербургѣ на вербной недѣлѣ, была выставлена масса бездѣлокъ, или стояли лотки съ фруктами, при чемъ эти бездѣлки—эти фрукты были такъ разнообразны и красивы, что невольно разбѣгались глаза. Мнѣ невольно вспомнились японскія лавочки въ Нагасаки, въ которыхъ оставляютъ всѣ свои сбереженія,

¹⁾ «Южный Край», 1910, 14/х.

возвращающіеся моремъ въ Россію изъ Владивостока чиновники. Мнѣ вспомнилось то, что я видѣлъ на базарахъ въ городахъ Мексики, что тащили съ собою на палубы пароходовъ добровольнаго флота индѣйскіе торговцы во время остановокъ въ Коломбо—и съ изумленіемъ я увидѣлъ все это здѣсь, наваленное въ живописномъ безпорядкѣ или аккуратно разложенное на лоткахъ въ ожиданіи покупателя.

Sennor! grenadillas! mui benitas, остановила меня прелестная смуглая креолка съ черными, убранными красными гвоздиками волосами, въ костюмѣ, точно взятомъ на прокатъ изъ оперы Кармень. И она обратила мое вниманіе на лотокъ, на которомъ лежали груды этихъ на первый взглядъ похожихъ на небольшіе кабачки съ твердою оболочкою фруктовъ *Passiflora edulis*. Въ нихъ, точно завернутыя въ тонкую папиросную бумагу, лежали тающія во рту ароматичныя прохладительныя, какъ лучший лимонадъ, зернышки со вкусомъ, съ которымъ я когда-то познакомился на базарѣ Закатекаса, и цвѣты которыхъ я потомъ видѣлъ на балконѣ покойнаго Татарина въ Сухумѣ. Рядомъ съ нами, какъ въ Santa Lucia, въ Неаполѣ, лежала горка изъ обладающихъ предательскими колючками плодовъ кактусовъ, вкусные клубни бататовъ и блюдечки душистыхъ, какъ лучшая земляника, мелкихъ плодовъ чилийской мирты, которыми меня угощаль нѣсколько дней назадъ на своей дачѣ сынъ Татарина. Здѣсь лежали также плоды адвокатъ — *Persea gratissima*, столь вкусные съ рюмкой хереса, и сладкіе печеные бананы, тающіе во рту, напоминающіе пирожки съ вареньемъ (плоды *Musa Cavendishi*), которыми меня когда-то угощали на Цейлонѣ. У прекрасной креолки были еще и другіе фрукты на ея лоткѣ, фрукты *Hovenia dulcis* и фейхоа, которыхъ я не видѣлъ въ моихъ путешествіяхъ — какія-то крупныя шишки, повидимому, съ араукарій, и различные орѣхи, но я не успѣлъ разсмотрѣть ея товара, какъ мой слухъ поразили рѣзкіе крики, когда-то слышанные мною на Явѣ.

«Ayer batu, Ayer batu» — кричалъ разносчикъ съ обнаженными почти до колѣнъ бронзовыми, смуглыми ногами, завернутыми въ пестрый Sarong, въ пиджакѣ изъ яркой матеріи, оставлявшемъ обнаженную грудь, и въ чалмѣ, не вполне закрывавшей шапочку, обыкновенно носимую на головѣ малайцами. Онъ продавалъ, какъ на Явѣ, плиточки искусственнаго льда, которымъ онъ охлаждалъ прохладительныя напитки — не тѣ лимонады изъ химическихъ препаратовъ, которыми отравляютъ свои желудки жители городовъ Закавказья въ жаркіе лѣтніе дни, но

воду съ сѣменами и сиропами разныхъ тропическихъ растений. Ее не всегда рискуютъ отвѣдать прїѣзжающіе на Яву европейцы,—но, разъ отвѣдавши, дѣлаются самыми ревностными ея поклонниками.

Столь же смуглый, какъ этотъ яванецъ, японецъ манилъ меня, стоя сзади него за прилавкомъ бамбуковыхъ издѣлій. Мысленно я перенесся въ Нагасаки. Какъ тамъ, цѣлая коллекція чудныхъ бамбуковыхъ тростей возвышалась сзади прилавка. Въ однѣхъ извивались, вырѣзанныя поразительно близко къ природѣ, красиво-окрашенные, змѣи, по другимъ, какъ бы выплывая изъ внутренности палки, извивались причудливые драконы. Третьи казались обвитыми изящными, усыпанными цвѣтами вьющимися растеніями. Трудно было повѣрить, что это простой отрѣзокъ бамбука. Только колѣнчатое строеніе палки, да ея круглая утолщенная, служащая ручкой головка, представляющая искусно срѣзанное основаніе бамбуковаго ствола съ началомъ отходящихъ отъ него корней, свидѣтельствовали о матеріалѣ, изъ котораго дѣлались эти трости. Это необыкновенно легкія, твердыя, прочныя и изящныя палки. У насъ въ Батумѣ не умѣютъ ни вырѣзать такимъ образомъ бамбуковые побѣги, ни украшать ихъ этой тонкой изящной рѣзбою. «Это привозныя?»—невольно спросилъ я у японца, стоявшаго за прилавкомъ. «Нѣтъ, это — съ Чаквы, — отвѣтилъ онъ мнѣ ломанымъ русскимъ языкомъ. Мы покупаемъ бамбукъ тамъ, но работаемъ здѣсь въ сосѣдству,» — сказалъ онъ мнѣ, показавъ на небольшой чисто японскій домикъ, возвышавшійся на сосѣднемъ пригоркѣ. «Купите парочку—всего 50 к. штука. За привозныя вы заплатите не менѣе 3—5 р. Или не выберете ли чего-нибудь изъ моего товара?» И онъ обратилъ мое вниманіе на безконечное разнообразіе бамбуковыхъ издѣлій, лежавшихъ въ его лавочкѣ. Тутъ были и бокалы для перьевъ, украшенные рѣзбою изъ перламутра, и изящная мелкая мебель и ширма, расписанная видами Японіи и Кавказа. Можно было выбрать съ Фузи-Ямоу и съ Араратомъ. Можно было бы украсить стѣны комнаты — дать ей полную меблировку одними только этими бамбуковыми издѣліями. А на стѣнахъ висѣли модели бесѣдокъ, легкихъ домиковъ, мостовъ, водопроводовъ, даже аэроплановъ и т. п. сооружений, которыя за дешевую цѣну брался исполнять племянникъ торговца нѣкій Мароокосанъ—молодой японскій архитекторъ-механикъ, жившій въ одномъ съ нимъ домѣ. И, какъ въ Японіи, рядомъ съ этой лавочкой бамбуковыхъ издѣлій подъ парусиновымъ навѣсомъ, подъ сѣнью пальмъ, между двумя высокими

хамеропсами стояла цѣлая выставка той изящной, лакированной посуды, какую подъ именемъ «японщины» привозятъ цѣлыми кораблями изъ Іокогамы въ торговые города Европы. Тарелки и пепельницы, изящно лакированные шкафики и вазы, этажерки въ японскомъ и европейскоиъ стилѣ и масса предметовъ роскоши и домашняго обихода. «Обратите вниманіе,—говорилъ мнѣ торговецъ,—всѣ эти предметы сдѣланы изъ мѣстнаго лака. Какъ старинныя издѣлія, они тѣмъ существенно отличаются отъ отправляемыхъ изъ Японіи, что дѣлаются они не наскоро и не дубочно, а по заказу. Смотрите, что это за лакъ!» — и онъ бросилъ заженную спичку на хорошенькую чашечку, всю расписанную изображеніями лотосовъ и хризантемъ. «Она можетъ вся сгорѣть, не оставивъ и слѣда на поверхности. Теперь такого лака вы не найдете въ Японіи. Конечно, вы можете имѣть его лишь по заказу, и лишь осенью, когда деревья даютъ сборъ, можно дѣлать эти заказы. Обыкновенныя же издѣлія вы можете получить по той же цѣнѣ, что и у насъ въ Нагасаки». Но я уже не слушалъ его болѣе. Я поспѣшилъ впередъ по аллеѣ, гдѣ справа и слѣва возвышались будочки торговцевъ. Я видѣлъ китайцевъ, торговавшихъ тушью и бумагой, сдѣланной изъ бумажнаго дерева; далѣе виднѣлись мохнатыя дождевыя плащи изъ волоконъ пальмы хамеропсъ, съ которыми такъ недавно не знали что дѣлать батумцы, буквально варившіеся въ собственномъ поту при попыткѣ надѣть принятые въ Россіи резиновые плащи. Мнѣ за нѣсколько рублей продавали желтые непромокаемые плащи и зонтики изъ бумаги, пропитанной растительнымъ воскомъ, и тутъ же была свѣчная лавка, гдѣ свѣчи и восковыя фигуры были нагромождены высокими горами. Дальше виднѣлись вѣера и игрушки изъ пальмовыхъ листьевъ. Я подумалъ, что нахожусь на торговой улицѣ гдѣ-нибудь на Формозѣ, но ряды бѣлыхъ домиковъ, гостиницъ, съ которыхъ виднѣлся усаженный, какъ въ Іокогамѣ, соснами благоустроенный пляжъ, говорили мнѣ, что я на русскомъ курортѣ. Во то время какъ алѣю отъ бульвара, защищая основанія его роскошныхъ пальмъ отъ вѣтра, возвышались двухъэтажныя зданія гостиницъ, санаторій и купальныхъ учрежденій, вправо открывались панорамы роскошнаго тропическаго парка. Среди широкихъ зеленыхъ газоновъ виднѣлись группы высокихъ эвкалиптусовъ, круглыя купы сизыхъ, не сбрасывающихъ листья, акацій и разнообразныхъ деревьевъ, а за ними возвышались холмы съ крайне своеобразными, б. ч. дальне-восточнаго стиля, постройками.

Украшенные сѣрымъ морскимъ гравіемъ, дорожки мѣняютъ по нимъ проѣхать. И для довершенія соблазна въ нѣсколькихъ мѣстахъ бульвара, около изящной турецкой кофейни—въ рощѣ тѣхъ, что много по Босфору, были устроены стоянки для маленькихъ, легкихъ автомобилей съ зонтиками, какъ у ялтинскихъ извозчиковъ. Ихъ зонтики были, однако, пропитаны воскомъ и сдѣланы непромокаемыми. Ими управляли не шоферы со странными наглазниками, но одѣтые въ русскія рубашки съ ямочками, съ павлиньими перьями, шапочками, парни. Вездѣ была выставлена такса. «Вамъ куда? — спросилъ меня дѣловито проводникъ-шофферъ, когда я занялъ мѣсто въ такомъ экипажѣ, — въ Америку, или въ Австралію, или, можетъ, сперва въ японскій храмъ, или въ чайный домикъ къ гейшамъ?» спросилъ онъ меня, лукаво улыбаясь. — «Въ Америку,» — скомандовалъ я не угадъ. Мы покатали по парку по блѣднозеленымъ газонамъ и понеслись среди рощъ магнолій къ болотистому берегу Чагана. Здѣсь ихъ смѣнилъ лѣсокъ такъ-называемыхъ болотныхъ кипарисовъ, этихъ *Taxodium*, съ листиками, нѣжными, какъ зеленые перышки, только-что развившимися послѣ зимняго покоя. По опушкамъ этихъ рощъ росли громадные колесовидные листья пальмы *Sabal Adansoni*; на сухомъ пригоркѣ возвышалась роща изъ сосенъ, съ удивительно длинною хвоею, а среди нихъ, по сѣню платановъ и тюльпанныхъ деревьевъ возвышалась обсаженная бананами хижина, населенная неграми. Ни дать, ни взять—уголокъ южной Виргиніи или Флориды изъ области такъ наз. *Dismal Swamps*. Я уже составлялъ въ умѣ англійскія фразы, что-бы заговорить съ этими чернокожими американцами—потомками обитателей «Хижины дяди Тома,» какъ, къ изумленію, въ числѣ чернокожихъ узналъ негра, котораго еще молодымъ человѣкомъ зналъ въ Батумѣ и когда-то приглашалъ поступить къ себѣ на службу въ Россію. Онъ меня узналъ также. «Что же вы здѣсь дѣлаете?» — спросилъ я его. «Да вотъ переселился сюда со всѣмъ семействомъ съ прежняго участка, торгуюмъ ликерами. Изъ здѣшнихъ тропическихъ фруктовъ изготовляемъ по образцу тѣхъ, что привозятъ изъ Ямайки, Кюрасао и Антильскихъ острововъ. Тутъ ихъ дѣлаютъ пріѣзжіе. Ты не говоришь по-русски — они играютъ негритянскія пьесы и изготовляютъ ликеры, я же съ братомъ торгую и служу переводчикомъ. Отъ посѣтителей не отобьешься. Все больше морскихъ военные; говорятъ, что у насъ не хуже, чѣмъ тамъ, гдѣ они плавали». Но я не сталъ дальше останавливаться у негра и скомандовалъ ѣхать въ Австралію. Мы опять помчались по парку.

и я замѣтилъ, что постепенно листопадныя деревья Америки, различныя породы дубовъ и ясеней смѣнились группами эвкалиптовъ съ ихъ сѣрой, грубой, поникшей листвою. Какъ громадныя ивы развѣсили свои, усыпанные пушистыми желтыми шариками развивающихся круглый годъ цвѣтовъ, плакучія акаціи. Травяныя деревья стали попадаться вмѣсто пальмъ по окраинамъ дорогъ, среди нихъ бѣгали ручныя кенгуру; на холмѣ возвышалась группа араукарій, тѣхъ самыхъ *Araucaria Bidwilli* и *excelsa*, орѣхи которыхъ, какъ говорятъ, развивали у туземцевъ страсть къ людоедству. «Что же,—спросилъ я моего возницу,—есть здѣсь и австралійцы?» «Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—но недавно изъ Новой Гвиней привезли первобытнаго человѣка. Хотите, посмотримъ, только туда конецъ дальній,—надо проѣхать черезъ Китай, Японію, Гималаи и Чили, придется прибавить полтинничекъ».

— «Ладно, ступай, только показывай, что по дорогѣ есть интереснаго».

Мой возница повернулъ свой автомобиль къ холмамъ, и вскорѣ мы очутились у подножія большой бетонной лѣстницы, которая, обставленная каменными фигурами, вела къ вершинѣ горы. На горѣ возвышалась причудливая постройка съ изогнутой кровлею, изъ бѣлой фарфоровой черепицы. Я увидѣлъ передъ собою копію одного изъ буддійскихъ храмовъ, когда-то посѣщаемыхъ мною въ окрестностяхъ Кіото. Какъ тамъ, густая темная роща японскихъ криптомерій обрамляла храмъ со всѣхъ сторонъ. По обѣ стороны лѣстницы возвышались необыкновенно красивыя зонтичныя ели и саговики Японіи. Самый храмъ — одна изъ изящнѣйшихъ построекъ Японіи, въ родѣ храма Іейасу, мнѣ казалась постройкой баснословной цѣнности. Пока я недоумѣвалъ, какимъ образомъ это дорогое зданіе страны Восходящаго Солнца могло очутиться въ странѣ побѣжденныхъ, на берегахъ Чернаго моря, мнѣ вышелъ навстрѣчу знакомый мнѣ проводникъ — японецъ Танаке и вывелъ меня изъ недоумѣнія. «Не правда ли, прекрасное зданіе,» сказалъ онъ». И обошлось оно въ грошъ. «Какъ, вскричалъ я. — Да, вѣдь, оригиналу нѣтъ цѣны!» — «Да, оригиналу, замѣтилъ Танаке. Но здѣсь вмѣсто гранита—бетонъ и вмѣсто дорогой рѣзбы на деревѣ знаменитыхъ рѣзчиковъ древней Японіи, гипсовые раскрашенные слѣпки». — «Но эффектъ, вѣдь, тотъ же»,—замѣтилъ я. «Да, тотъ», сказалъ Танаке. «И мои соотечественники долго не хотѣли позволить воспроизводить этого храма въ Россіи, но уступили лишь потому, что имъ общали, что это зданіе и будетъ служить

храмомъ для здѣшнихъ буддистовъ, которыхъ здѣсь болѣе десяти, если принять во вниманіе всѣхъ этихъ мастеровыхъ и торговцевъ лаковыми, бумажными и бамбуковыми издѣліями, садовниковъ и рестораторовъ, живущихъ вокругъ. Вѣдь, здѣсь цѣлое поселеніе». И онъ указалъ на характерные японскіе бамбуковые домики, разбросанные у подножія горы, тонущіе въ зелени разрѣзныхъ японскихъ кленовъ, красиво цвѣтущихъ розовыми цвѣтами сливъ. Эти домики изъ бамбука, съ ихъ раздвижными бумажными стѣнами, съ проходами, увитыми глициніями, съ причудливыми сосенками передъ входомъ давали полную иллюзію японской деревушки.—«Не правда ли, здѣсь настоящій Ниппонъ?» спросилъ меня Танаке.—«Да, отвѣтилъ я. Недостаётъ только чайнаго домика, джинерикшъ».—Первый есть, вторые же выводятся теперь и у насъ». «И много буддистовъ посѣщаетъ вашъ храмъ?» «Есть нѣсколько сингалезъ и тибетцевъ, сказалъ Танаке, японцы же больше посѣщаютъ чайную. Не хотите ли взглянуть?» И онъ повелъ меня по проходу къ домику японскаго типа, передъ которымъ, какъ гдѣ-нибудь въ Токио, открывался видъ на маленькій садикъ съ карликовыми деревьями, группами цвѣтущихъ азалій около крошечнаго прудика, гдѣ виднѣлись любимые японцами, похожіе на нашу мать и мачеху, листья *Farfugium grande*. Нѣсколько одѣтыхъ въ японскія кимоно японокъ предложили намъ чаю. «Этотъ чай готовится изъ мѣстнаго куста по японскому способу, сказалъ Танаке, и мало уступаетъ нашему. Отвѣдайте». Но прислугѣ было не до насъ. Масса посѣтителей наводнила ресторанъ. Всѣмъ хотѣлось посидѣть на полу, попробовать знаменитаго японскаго сакэ, и испытать свое умѣніе палочками съѣсть на-скоро приготовленное «скіаки». Постоянно просили «гейшъ» спѣть что-нибудь или сыграть на струнныхъ инструментахъ страны Восходящаго Солнца. Но мнѣ слишкомъ хорошо было извѣстно, что настоящія гейши не поѣдутъ за нѣсколько тысячъ верстъ въ Россію, а публика, не понимая толку въ японской музыкѣ, приходила въ восторгъ лишь тогда, когда ей декламировали на ломанномъ русскомъ языкѣ:

За красу я получила первый призъ,
Всѣ мужчины уважаютъ мой капризъ!

И я поспѣшилъ ѣхать дальше. Танаке меня сопровождалъ. Мы проѣхали отдѣлъ чилійскій и мексиканскій съ его агавами и юкками, посмотрѣли отдѣлъ Новой Зеландіи съ лѣсами тѣхъ допотопныхъ растений, которыя съ трудомъ разводятся въ

оранжереяхъ Европы, и достигли, наконецъ, хижины на высокихъ сваяхъ, гдѣ сидѣла семья съ большой трудностью доставленныхъ ново-гвинейскихъ карликовъ съ горъ, которыхъ изучали, какъ рѣдкій антропологическій объектъ, нѣсколько специально для этого пріѣхавшихъ изъ-за границы нѣмецкихъ профессоровъ. Карлики эти мрутъ въ климатѣ Европы, здѣшній же переносятъ превосходно. Приходится наблюдать за ними здѣсь. Вообще вся эта часть парка представляетъ научное отдѣленіе. Та плата, которая берется за входъ, дѣлится на двѣ части: одна идетъ на поддержаніе парка въ порядкѣ, другая—на научный отдѣлъ. Здѣсь разводятся и приучаются къ климату новые сорта растений, совершенствуются старые. Это — опытная станція и научный садъ. Для осмотра его требуется особое разрѣшеніе.

Да и теперь уже поздно, вечерѣетъ. Вы еще, полагаю, не ѣли. Поѣдьте въ ближайшій китайскій ресторанъ. Его курьезы особенно охотно посѣщаетъ публика, чтобы познакомиться со своеобразною кухнею Небесной Имперіи. Мы поднялись на вершину холма. Съ него открывается обширный видъ на бамбуковыя и апельсиновыя плантаціи удѣльнаго вѣдомства. Болѣе 4 десятинъ мандариновъ стояли покрытыя цвѣтами. Воздухъ былъ напитанъ ихъ ароматомъ. Съ широкаго балкона ресторана открывался дивный видъ на море. Солнце уже зашло. Тысячи свѣтлячковъ, какъ гдѣ-нибудь на Цейлонѣ, наполняли огненными точками воздухъ, кружась около деревьевъ. Причудливой формы фонари ресторана освѣщали поверхность пруда, среди котораго красовались крупные розовые цвѣты священнаго лотоса. Намъ подали карточку. Это все были своеобразныя блюда китайской кухни, приуроченныя, однако, къ европейскому вкусу и приготовленныя изъ мѣстныхъ продуктовъ. Молодые ростки бамбука подъ бѣлымъ спаржевымъ соусомъ. Молодые люффы, батумскія лягушки по англо-французскому способу. Салатъ изъ папоротника. Яйца, разложившіяся и получившія вкусъ сыра. Супъ изъ плавниковъ акулы. Компотъ изъ лотосовъ и сушеной хурмы, сладкій картофель или бататы съ улитками и т. д., и т. д. Китайская водка и ликеры подавались въ изобиліи горячіе. Кругомъ слышится смѣхъ публики, не справлявшейся палочками съ новаго вида кушаньями невиннаго состава, но страшныхъ по внѣшности. Обѣдали компаніи туристовъ, пріѣхавшихъ изъ Гагръ. Молодой офицеръ флота увѣрялъ, что не надо дѣлать кругосвѣтнаго путешествія — все можно видѣть въ Батумѣ. Та-

наке угощаль меня ликеромъ за ликеромъ. Отъ непривычныхъ кушаній мнѣ стало дурно... и я проснулся. Была мертвая зыбь. Мы были на траверзѣ сочинскаго маяка. Пароходъ былъ переполненъ страдавшей отъ качки публикой. Отвратительная дѣйствительность со всѣхъ сторонъ. Все видѣнное было только сонъ. Да, читатель, сонъ. Но каждая строка этого сна можетъ стать дѣйствительностью и не позже, чѣмъ черезъ какія-нибудь восемь лѣтъ, при нѣкоторомъ желаніи и весьма небольшихъ затратахъ.

Военно-Осетинская дорога¹⁾.

Съ тѣхъ поръ какъ удешевленный тарифъ уничтожилъ для людей со среднимъ достаткомъ громадность разстояній нашего отечества, Кавказъ все чаще и чаще дѣлается цѣлью экскурсій туристовъ и учащейся молодежи, обѣщая въ ближайшемъ будущемъ сдѣлаться для русскихъ людей тѣмъ, чѣмъ стали Альпы для нѣмцевъ и англичанъ или Пиринеи для французовъ. Его ущелья еще недавно были доступны лишь для изслѣдователей, посылаемыхъ учеными обществами, и странствія по этимъ ущельямъ описывались какъ геройскіе подвиги. Когда 9 лѣтъ тому назадъ я впервые поднималъ вопросъ на сѣздѣ естествоиспытателей въ Петербургѣ о необходимости для студентовъ-естественниковъ образовательныхъ экскурсій на Кавказъ, многіе изъ моихъ коллегъ встрѣтили предложеніе мое съ большимъ недовѣріемъ и скептицизмомъ, обѣщая мнѣ если не смертные случаи, то увѣчья и рядъ злключеній съ моими экскурсантами. Но съ тѣхъ поръ прошло 9 лѣтъ; за исключеніемъ годовъ, проведенныхъ въ заграничныхъ путешествіяхъ, я почти каждое лѣто дѣлалъ такія экскурсіи со студентами харьковского университета и могу констатировать фактъ, что за 7 такихъ экскурсій—несмотря на крайне разнообразный составъ, большую изнѣженность и малую дисциплину многихъ изъ экскурсировавшихъ—у насъ не было ни одного несчастнаго случая или непріятнаго столкновенія. Что-жъ удивительнаго поэтому, что нашъ примѣръ нашелъ подражателей и въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, и не разъ уже появлялись замѣтки, что гимназисты или реалисты такого-то училища отправлялись на Кавказъ подъ руководствомъ того или другого изъ своихъ преподавателей. Конечно, эти образовательныя поѣздки ограничивались пока военно-грузинскою дорогою, Тифлисомъ и Баку или Батумомъ, нося чисто туристскій характеръ, однако, ихъ нельзя не привѣтствовать, какъ зарю той эпохи, когда

¹⁾ Настоящая статья, помѣщаемая нами съ нѣкоторыми сокращеніями, входитъ во 2-ой вып. (1911 г.) серій маршрутныхъ описаній, задуманныхъ А. Н. Красновымъ подъ общимъ заглавіемъ «Натуралистъ на Кавказѣ».

Кавказъ изъ поприща для военныхъ дѣйствій долженъ сдѣлаться нагляднымъ пособіемъ для изученія явленій природы—школою для нашей учащейся молодежи... Дѣйствительно, среди Альпъ—этой классической книги природы, можно встрѣтить какъ для натуралиста, такъ и для этнографа несравненно меньше интереснаго, чѣмъ среди Кавказа—только необыкновенная бѣдность нашей научно-популярной литературы причиною, что естественныя сокровища Кавказа остаются почти неизвѣстными нашей публикѣ. Цѣль предлагаемаго очерка—познакомить съ нѣкоторыми изъ этихъ послѣднихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указать на тѣ пункты этой страны горной, которые особенно интересны для натуралиста-путешественника, желающаго сознательно созерцать красоты Кавказа, вдохновляясь не одною только поэзіею Лермонтова...

Военно-грузинская дорога есть обычный путь кавказскаго туриста. Она описана въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно подробно, хотя про естественно-историческую сторону этого именно и нельзя сказать. Но все-таки это наилучше описанный уголокъ, несмотря на то, что онъ гораздо менѣе интересенъ, чѣмъ многое другое. Практика моихъ экскурсій показала, что по интересу, представляемому какъ для натуралистовъ, такъ и для простаго туриста, военно-грузинская дорога во всѣхъ отношеніяхъ уступаетъ такъ-называемой военно-осетинской, о которой до сихъ поръ не знаетъ значительная часть нашей публики и которая есть, если можно такъ выразиться, перлъ кавказскихъ экскурсіонныхъ маршрутовъ. Въ годы моего студенчества я пѣшкомъ прошелъ Сень-Готардскій переваль въ Альпахъ, восхищаясь, еще не пресыщенной впечатлѣніями юношескою душою, красотою величественныхъ ущелій Рейсса, Чортовымъ мостомъ, нагорными лугами и рѣзкимъ контрастомъ южной природы итальянской Швейцаріи съ только-что покинутыми склонами Альпъ. И все-таки я долженъ сознаться, что, переваливъ черезъ Мамиссоновскій переваль изъ Осетіи въ Имеретію, сопоставивъ мрачныя сосновые боры и дикое ущелье Ардона съ ущельемъ Рейсса, мягкіе ландшафты Ріонской долины съ тѣмъ, что я видѣлъ по Тичино, контрастъ Владикавказской степи съ окрестностями Кутаиса,—я получилъ разницу впечатлѣній громадную. Кавказъ даетъ всѣ контрасты сильнѣе, всѣ особенности рѣзче, онъ грубѣе Альпъ, но онъ безконечно грандіознѣе, мощнѣе во всѣхъ проявленіяхъ, въ сущности совершенно аналогичныхъ. Это сильный и грубый мужчина, то—изнѣженная воспитаніемъ дѣвушка.

Въ научномъ отношеніи осетинская дорога также выше с.-готардской. Нигдѣ въ мірѣ долины двухъ въ противоположномъ направленіи текущихъ рѣкъ, какъ Ріонъ съ его притоками и Ардонъ, не даютъ столь полной картины внутренняго строенія горнаго хребта, иллюстрирующей законы происхожденія горъ, такого обилія глетчеровъ, столь отчетливо выраженные пояса растительности, такихъ контрастовъ климатовъ и столь своеобразныхъ типовъ населенія. Путешествіе, совершенное поперекъ Кавказа по военно-осетинской дорогѣ, стоитъ длиннаго и долгаго странствія по цѣлому ряду государствъ и мѣстностей.

Таково, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе, вынесенное мною изъ экскурсіи, сдѣланной нѣсколько лѣтъ тому назадъ по этой дорогѣ, которымъ я здѣсь хотѣлъ бы подѣлиться съ читателями.

Путешествіе по осетинской дорогѣ, ведущей, какъ извѣстно, изъ Владикавказа въ Кутаисъ, совершается далеко не такъ удобно и просто, какъ отъ Владикавказа въ Тифлисъ. Здѣсь нѣтъ почтовыхъ станцій, нѣтъ къ вашимъ услугамъ постъ-омнибусовъ, колясокъ и таратаекъ и, хотя довольно первобытнаго, но все-таки въ общемъ сноснаго буфета на главныхъ станціяхъ. Вы должны сами заботиться о ѣдѣ, о ночлегѣ и о лошадяхъ. Послѣднихъ вы должны добыть вмѣстѣ съ экипажемъ во Владикавказѣ или окрестныхъ селеніяхъ, здѣсь же запастись и припасами; что же касается ночлега, то его можно получить, лишь съ разрѣшенія завѣдующаго дорогою, въ такъ-называемыхъ дорожныхъ сторожкахъ—строеніяхъ, далеко не комфортабельныхъ въ большинствѣ пунктовъ, такъ-что туристъ или долженъ вооружиться неприхотливостью, по счастью, довольно свойственной русскимъ туристамъ, или двигаться быстро, принаравляя мѣста остановокъ къ такимъ пунктамъ, какъ, напр., урочище св. Николая, Уцери, Они, гдѣ есть хорошія постройки или жилища богатыхъ туземцевъ. Точно такъ же и самое пользованіе дорогою возможно далеко не во всякое время года. Мамиссоновскій перевалъ много выше Крестоваго. Большую часть лѣта онъ лежитъ погребенный подъ снѣгомъ—и только съ середины іюля и въ августѣ васъ рискнуть перевезти на колесахъ съ сѣвернаго склона Кавказа на южный. Фаэтонщики Владикавказа обыкновенно не знаютъ этой дороги. Рѣдкій изъ нихъ возьмется везти васъ по ней въ своемъ экипажѣ, несмотря на то, что это хорошо содержимое шоссе. Обыкновенно пользуются нанимаемыми у осетинъ линейками, но экипажъ этотъ и много неудобнѣе и утомляетъ много сильнѣе, чѣмъ телѣжка. Но кто хочетъ видѣть многое, долженъ вооружиться мужествомъ и

терпѣніемъ. Кавказъ не Альпы, и если теперь по главнымъ его дорогамъ можно ѣздить, не рискуя быть ограбленнымъ или убитымъ, путникъ все-таки долженъ, любуясь кавказскою природою, забыть, что существуетъ комфортъ и удобство, и, за исключеніемъ линіи Тифлисъ-Владикавказъ, путешествовать по полуварскому краю.

Впрочемъ, ѣзда на осетинскихъ линейкахъ имѣтъ свою прелесть. Вы двигаетесь медленно, и грандіозныя картины горной природы лучше запечатлѣваются въ вашей памяти. Вы, не стѣсяняясь, можете проходить лучшія части дороги пѣшкомъ, каждую минуту останавливаться для сбора интересныхъ растений, горныхъ породъ, для снимковъ фотографій, чего трудно достигнуть при быстрой ѣздѣ на почтовыхъ. Ваши осетинскіе возницы, любезные и общительные люди, дадутъ вамъ возможность познакомиться съ бытомъ своихъ родичей, который для русскаго чело-вѣка представляетъ массу любопытнаго.

Исходнымъ пунктомъ для экскурсій по военно-осетинской дорогѣ служить обыкновенно станція Даргъ-Кохъ. Теперь отсюда есть даже построенная французскою компаніею вѣтка желѣзной дороги, ведущая къ Садонскому руднику, позволяющая значительно сократить часть колеснаго пути. Но въ описываемое время я съ моими экскурсантами дѣлалъ этотъ путь изъ Владикавказа, и хотя нашъ маршрутъ удлинялъ путь на нѣсколько дней, онъ, какъ читатель можетъ убѣдиться изъ нижесказаннаго, не лишенъ интереса, такъ какъ даетъ возможность познакомиться съ природою и жизнью кавказскихъ предгорій, новою и совершенно чуждою для жителя равнины и которая обыкновенно ускользаетъ отъ ѣдущаго по желѣзной дорогѣ.

Выѣхавъ утромъ изъ Владикавказа, мы къ вечеру достигли до селенія Ардонъ и, переночевавъ тамъ, на слѣдующій день, проѣхавъ черезъ Алагиръ, вступили въ долину р. Ардона.

Такимъ образомъ, болѣе сутокъ мы ѣхали вдоль Кавказскаго хребта, любуясь характерными явленіями изъ жизни облаковъ, почти черезъ каждый часъ дѣлавшими панораму предгорій неузнаваемою. Кавказъ высокою зубчатою стѣною возвышается здѣсь надъ равниною. Трудно найти болѣе типичную картину настоящаго горнаго хребта, такъ и просящуюся на страницы учебника. Надъ темною массою сближенныхъ холмовъ предгорій высятся позлащенные лучами восходящаго солнца скалы, внизу одѣтыя чернымъ лѣсомъ, выше—голыя и, наконецъ, еще выше—увѣнчанныя бѣлоснѣжными вершинами, на которыхъ играютъ розовые тоны утреннихъ лучей. Вы видите здѣсь и вулканиче-

скій конусъ Казбека, и Дахъ-Тау, и Адай-Хохъ. Тѣ параллельныя другъ-другу хребты, которые различаетъ орографія страны, здѣсь не видны для глаза; все сливается въ одну бугристую темную стѣну съ зубчатымъ, украшеннымъ блестящими снѣгами верхомъ, отгораживающую отъ васъ южную половину неба, не допуская исполниться словамъ Лермонтова и нестись тучамъ небеснымъ, вѣчнымъ странникамъ, степью лазурною, цѣпью жемчужною, съ дальняго сѣвера въ сторону южную. Горы являются для нихъ барьеромъ, и въ зависимости отъ того, имѣемъ ли мы день тихій и ясный, или съ сильнымъ вѣтромъ одного изъ сѣверныхъ румбовъ,—измѣняется и картина состоянія неба. Въ тихій, спокойный день, въ родѣ того, въ который совершался нашъ выѣздъ изъ Владикавказа, утромъ небо бываетъ совершенно безоблачно и хребетъ во всемъ своемъ величіи вырисовывается на южной сторонѣ горизонта. Но кто хочетъ любоваться снѣжными вершинами Кавказа и съ картою въ рукахъ выискивать наиболѣе извѣстныя изъ его горъ, тотъ долженъ встать пораньше, такъ какъ такого рода упражненія возможны только недолго послѣ восхода солнца. Позже, сначала нѣжныя, какъ изъ пуху, облака заволакиваютъ вершины; къ полудню, бѣлою, какъ изъ ваты сдѣланною лентою, они закутываютъ всю верхнюю половину хребта. Къ 4 часамъ пополудни, а иногда и ранѣе, хребетъ почти совершенно скрывается отъ глазъ въ темныхъ грозовыхъ тучахъ. Раздаются глухіе раскаты грома, и вы видите, что сильные ливни орошаютъ темныя лѣсистыя предгорія. Сами вы остаетесь сухи, и здѣсь опять подтверждаются странно звучащія для насъ, жителей равнины, слова поэта:

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній первый громъ,
Какъ бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ!

Да, здѣсь дѣйствительно громъ и молнія блистаютъ передъ вами въ то время, когда надъ головой небо голубое и блещетъ солнце! Въ то время Кавказъ кажется еще грознѣе и суровѣе. Страшно даже для культурнаго человѣка въ это время углубляться въ его мрачныя ущелья—и что-жъ удивительнаго, что полуязычники осетины помѣстили здѣсь въ предгорьяхъ свои заповѣдныя рощи, посвященныя горнымъ духамъ, преобразованнымъ большею частью въ св. Георгія или другихъ популярныхъ у горцевъ-христіанъ святыхъ. Къ вечеру тучи пролетаютъ—и если вы путешествуете въ полнолуніе, то свѣже посыпанныя

снѣгомъ вершины бываютъ въ вечерніе часы не менѣе эффектны, чѣмъ раннимъ утромъ.

Сама владикавказская равнина своей гладкою, какъ столъ, поверхностью представляетъ рѣзкій контрастъ съ величественною горною панорамой, развертывающеюся съ юга. Вдоль хребта, по дорогѣ, расположился здѣсь рядъ цвѣтущихъ селеній осетинскихъ и казачьихъ, въ одномъ изъ коихъ—именно Ардонѣ—мы и заночевали у нашего провожатаго, осетина Паскидаева.

Осетины—одинъ изъ немногихъ народовъ Кавказа, не только способный къ быстрому воспріятію культуры, но и дѣлающій на этомъ поприще большіе успѣхи. Они общаются сдѣлаться для Кавказа тѣмъ, что швейцарцы для Альпъ, и только черезъ ихъ посредство сдѣлаются доступными для туристовъ самыя дикія ущелья Кавказа, внушающія русскимъ ужасъ и страхъ. Если есть народъ, который русская администрація могла бы сдѣлать русскими горцами, то это безспорно осетины. Они всегда исторически тяготѣли къ намъ, и еще когда Кавказъ не былъ нашимъ, вступали съ нами въ союзы и помогали намъ. Будучи полудикими, полу-христіанами, полу-магометанами, полужычниками, они, принадлежа къ чистой арійской расѣ, были способны къ воспріятію высшей культуры, а таковою культурою была культура русская. Еще и теперь не поздно оказать на народъ этотъ наше вліяніе и сдѣлать его и по симпатіямъ нашимъ.

Осетины жаждутъ образованія, они охотно открываютъ школы, посылаютъ туда дѣтей, изучаютъ русскій языкъ, и многіе изъ нихъ владѣютъ имъ въ совершенствѣ. Они въ своемъ земледѣліи усвоили не только русскія орудія, но усовершенствованныя машины, быстро распространяющіяся въ Кубанской области. На мѣсто горскихъ саклей и жалкихъ малороссійскихъ мазанокъ, одна за другой вырастаютъ въ Ардонѣ и Алагирѣ оригинальной архитектуры каменные постройки. О постройкахъ этихъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Матеріаломъ для нихъ служатъ голыши и галечникъ, окатанный горными рѣчками. Подобранные рядами и сцементированные глиною, эти голыши даютъ каменные стѣны болѣе прочныя и изящныя, чѣмъ кирпичныя, и выстроенный изъ этого матеріала домъ, покрытый черепитчатою красною кровлею, представляетъ изъ себя элегантную постройку, которой позавидуетъ любой горожанинъ и какой и во снѣ не снилось ни одному изъ богатыхъ крестьянъ средней Россіи. Словомъ, по сравненію съ нашими крестьянами средней зажиточности, осе-

тинъ живеть паномъ—и это можно сказать не только о внѣшности его жилища, но и о внутренней его обстановкѣ.

Мы оставались цѣлый послѣдующій день въ Ардонѣ, въ виду необходимости приготовить линейки для перевозки экскурсантовъ. Экскурсіи по Кавказу большими партіями еще дѣло новое— и чтобы перевезти 15 человѣкъ экскурсантовъ, нужно было 4 линейки, найти которыя было не легко. Мы, впрочемъ, не имѣли основанія жалѣть о проведенномъ въ Ардонѣ времени. Наши хозяева были чрезвычайно любезны и гостепріимны. Они давали возможность не только осмотрѣть селеніе и его окрестности, но и познакомиться съ цѣлымъ рядомъ интересныхъ бытовыхъ особенностей народа. Утромъ, минуя успѣвшую уже прорыть нѣсколько террасъ рѣчку, мы пришли къ оригинальному осетинскому кладбищу, уже издали обращавшему на себя вниманіе своими надгробными памятниками. Въ древности осетины хоронили своихъ покойниковъ въ сидячемъ положеніи, устраивая имъ нѣчто въ родѣ каменнаго склепа. Въ этомъ способѣ погребенія видѣли иранское происхожденіе арійцевъ. Самое названіе Иранъ, какъ зовутъ себя осетины, свидѣтельствуешь о томъ же, равно какъ и многія особенности ихъ языка. Нѣмецкіе филологи хотѣли во что бы то ни стало видѣть въ осетинахъ остатки германскихъ племенъ, находя нѣкоторое сходство съ нѣмецкими словами въ словахъ осетинскихъ (какъ, напр., время—Zeit). Но число этихъ словъ такъ мало, и степень сродства языка такъ слаба, что въ такой же степени нѣмцами можно назвать и русскихъ, и итальянцевъ, и, словомъ, всякій народъ, говорящій на языкѣ арійскаго корня. Флегматичный характеръ, молчаливость и страсть къ пиву—чуть ли не единственныя у осетинъ общія съ нѣмцами черты, такъ какъ во всѣхъ отношеніяхъ, а главное, въ антропологическомъ отношеніи осетины отстоятъ отъ нѣмцевъ, какъ небо отъ земли.

Въ послѣполуденное время мы имѣли удовольствіе наблюдать интересные танцы осетинъ. День былъ воскресный, и почти вся молодежь собралась во дворѣ богатаго осетина, гдѣ устроилось что-то въ родѣ хоровода. Внутри круга изъ поющихъ и хлопающихъ въ ладоши мужчинъ танцевали нѣчто въ родѣ лезгинки и другихъ національныхъ танцевъ Кавказа, въ которыхъ принимали участіе какъ мужчины, такъ и женщины. Послѣднія, одѣтыя въ длинныя, узкія, большею частію розоваго цвѣта платья, были стройны какъ пальмы, но поражали необыкновенно слабымъ развитіемъ груди, дѣлавшимъ ихъ станъ похожимъ на мужской. Быть можетъ, это обстоятельство было причиною

возникновенія очень оригинальнаго обычая этого народа «посвященія женщинъ и мужчинъ», жертвъ котораго мы сами видѣли нѣсколько. Дѣло въ томъ, что, какъ у всѣхъ горцевъ, у осетинъ положеніе женщины—какъ слабаго, неудобнаго для борьбы за существованіе среди суровой обстановки горъ созданія—очень низкое. Если молодежь мужского пола здѣсь не смѣетъ ни сѣсть, ни сказать слова въ присутствіи старшихъ, то женщина почти не считается за человѣка. Какъ у кочевниковъ, ихъ покупаютъ, внося болѣе или менѣе значительный *калымъ*, послѣ чего она поступаетъ въ полное распоряженіе мужа. Рожденіе дѣвочки встрѣчается родителями съ такимъ же неудовольствіемъ, съ какимъ ликованіемъ встрѣчается рожденіе мальчика. Но особенно горестнымъ бываетъ положеніе тѣхъ родителей, которые имѣютъ потомство только женскаго пола. Тутъ отсутствіе мальчиковъ особенно непріятно—и отецъ семейства прибѣгаетъ тогда къ оригинальному способу. Онъ даетъ одной изъ своихъ дочерей мужское имя, одѣваетъ ее въ черкеску, посылаетъ ее въ общество мальчиковъ, среди которыхъ она растетъ и воспитывается до 21 года. Съ нею обращаются какъ съ мужчиною. Она ѣздитъ верхомъ и принимаетъ участіе во всѣхъ работахъ и упражненіяхъ юношей; величайшимъ оскорбленіемъ для нея считается назвать ее гдѣ-либо въ обществѣ женщиной или женскимъ именемъ. Такъ растетъ и воспитывается молодая осетинка, ничѣмъ не отличаясь отъ своихъ товарищей, пока, наконецъ, по достиженіи совершеннолѣтія борьба со страстями не заставитъ ее удалиться въ монастырь.

Странно видѣть пережитки этихъ обычаевъ древней горской жизни здѣсь въ Ардонѣ, въ благоустроенномъ селеніи, окруженномъ мирными пашнями, до которыхъ долетаютъ звуки свистковъ Владикавказской желѣзной дороги. Странно наблюдать эти нравы бокъ-о-бокъ со школою и патріотами-учителями, которые, какъ у всѣхъ маленькихъ народцевъ, которымъ грозитъ участь поглощенія окружающими, берегутъ и лелѣютъ всѣ традиціи и преданія, составляющія гордость народа, знакомя со всѣмъ, что о немъ написано, начиная съ преданій о древнихъ богатыряхъ Осетіи и кончая нѣмецкими мечтаніями о германскомъ происхожденіи осетинъ—изданными петербургскими академиками....

На слѣдующее утро мы покинули Ардонъ и, проѣхавъ черезъ сходную съ нимъ по облику Алагирскую станицу, направились на югъ, чтобы проникнуть въ нѣдра Кавказа.

Нигдѣ въ мірѣ нельзя наблюдать съ такою ясностью и отчетливостью механизмъ образованія горныхъ хребтовъ, какъ

по военно-осетинской дорогѣ. Какъ извѣстно, старое представленіе, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, распространенное въ обществѣ, что горныя цѣпи и горы вообще произошли дѣятельностью подземнаго огня, оставлено уже давно въ наукѣ, и господствующимъ взглядомъ является тотъ, по которому горы суть складки коры земной, происшедшія вслѣдствіе постепеннаго сжатія этой послѣдней.

Однако, было бы крайне неправильно представлять себѣ горныя цѣпи въ видѣ складокъ, подобныхъ складкамъ на скатерти или на какой-нибудь матеріи. Не говоря уже о томъ, что самый внѣшній видъ горъ не соотвѣтствуетъ такому представленію, ихъ внутреннее строеніе, какъ то иллюстрируетъ прекрасно военно-осетинская дорога, показываетъ это весьма наглядно.

Громада Кавказа получилась путемъ тяженія съ юга на сѣверъ, заставившаго центральныя, самыя глубокія первозданныя породы выпучиться, приподнять съ сѣвера всю толщу осадочныхъ пластовъ, на нихъ налегавшую. Она такимъ же образомъ приподнята и съ юга, но здѣсь, сверхъ того, болѣе глубоко лежащія породы этимъ горизонтальнымъ давленіемъ настолько стиснуты, что дали болѣе двухъ десятковъ прижатыхъ другъ къ другу складокъ, по размѣрамъ не уступающихъ высотѣ самаго хребта. Такъ-называемый Сѣверный Кавказъ представляетъ изъ себя, такимъ образомъ, приподнятую выпятившимися въ его центрѣ гранитами толщу всѣхъ покрывающихъ эти граниты осадочныхъ породъ, отлагавшихся за все время исторіи земли на этомъ мѣстѣ. Какъ страницы книги, открытыя для натуралиста, они даютъ возможность прочесть событія того прошлаго Кавказа, когда еще не было человѣка и когда постепенно формировались странныя существа, бывшія праотцами нынѣ живущихъ животныхъ. Тѣ породы, что на плоской русской равнинѣ приходилось бы добывать изъ нѣдръ земли путемъ буровыхъ скважинъ съ многоверстной глубиной, здѣсь мы видимъ составляющими скалы и бока долины Ардона, при чемъ чѣмъ дальше будемъ мы углубляться къ его верховьямъ, тѣмъ болѣе древніе по образованію, тѣмъ болѣе глубоко въ другихъ мѣстахъ скрытые пласты будутъ обнажаться передъ нашими глазами. Надобно знать языкъ геологіи, чтобы по пластамъ этимъ, какъ по страницамъ книги, прочесть это прошлое земли. Здѣсь не мѣсто входить въ эти подробности, и я упомяну только, что отъ ст. Алагиръ до урочища св. Николая послѣдовательность породъ мѣняется нѣсколько разъ. Въ то время какъ холмы,

окружающіе Владикавказскую низину, сложены изъ раковиннаго известняка, къ югу отъ Алагіра, составляя какъ бы первую гряду холмовъ, тянущихся вдоль Кавказа съ сѣвера, обнажается мѣловой мергель. За нимъ идетъ низина, почва которой состоитъ изъ мелкихъ зеленоватыхъ песчаниковъ, чтобы затѣмъ дать мѣсто высокому хребту изъ доломитовъ, въ которомъ Ардонъ прорылъ себѣ узкое ущелье. Здѣсь отчетливо можно видѣть, какъ приподнятые съ юга пласты этихъ доломитовъ падаютъ на сѣверо-востокъ. Проѣхавши ихъ, вы вступаете въ область сѣверныхъ глинистыхъ сланцевъ, чередующихся съ тонкими прослойками песчаниковъ, и уже за ними, отдѣленные продольной долиной, возвышаются близъ урочища св. Николая первобытные сланцы, сланцы кристаллическіе, гнейсы и сѣрые кавказскіе граниты. Большинство этихъ породъ (за исключеніемъ гранитовъ) слоисто, всѣ онѣ образовались на днѣ моря, когда-то покрывавшаго пространство, нынѣ занятое Кавказскимъ горнымъ хребтомъ. Всматриваясь съ строеніе этихъ осадочныхъ породъ и изучая попадающіяся въ нихъ окаменѣлости, мы убѣждаемся, что за тотъ долгій періодъ времени, когда на днѣ морскомъ отлагались эти многоверстныя толщи осадковъ, нынѣ выпертыя вверхъ горообразовательными силами, сами моря испытывали значительныя перемѣны. Мы знаемъ теперь, что тонкій известковистый илъ нынѣ отлагается лишь въ глубокихъ океанскихъ пучинахъ, образуясь изъ микроскопически мелкихъ скелетиковъ плавающихъ въ водѣ животныхъ, тогда какъ пески и глины относятся къ такъ-называемымъ прибрежнымъ образованіямъ. Такъ было и всегда. Смѣна наслоеній твердыхъ известковистыхъ и рыхлыхъ песчанистыхъ свидѣтельствуетъ, что глубина моря, покрывавшаго Кавказскій перешеекъ, не оставалась одинаковою. Море это претерпѣвало колоссальныя измѣненія уровня и въ ранній юрскій періодъ—въ тотъ періодъ, когда отлагались нынѣ изогнутые въ многочисленныя складки глинистые сланцы и песчаники, море, повидимому, почти не покрывало здѣсь своего дна, такъ какъ въ песчаникахъ этихъ находятъ отпечатки растений, свидѣтельствующіе, что пески, давшіе начало этимъ песчаникамъ, отлагались въ лагунахъ, окруженныхъ сухопутною растительностью.

Прорѣзавъ Кавказъ съ сѣвера на югъ, мы пересѣчемъ три (геологическія) системы пластовъ: третичныя, мѣловыя и юрскія, чтобы затѣмъ вступить въ самыя нѣдра горъ, въ царство первозданныхъ сланцевъ, гнейсовъ и гранитовъ. И въ каждой изъ трехъ упомянутыхъ выше системъ мы встрѣчаемъ чередованіе

болѣ рыхлыхъ и болѣ твердыхъ породъ. Это чередованіе имѣетъ громадное значеніе для всей орографіи, для пейзажей и для самой жизни сѣвернаго Кавказа, почему мнѣ по необходимости и пришлось остановиться на этихъ, быть можетъ, сухихъ и скучныхъ для читателей подробностяхъ. Дѣло въ томъ, что размывающая работа водъ въ теченіе послѣднихъ тысячелѣтій сильно измѣнила обликъ когда-то вывороченныхъ горообразовательными процессами пластовъ. Рыхлыя песчанистыя породы были сильно размыты, воды, образовавъ въ нихъ глубокія водоточины, скоро превратили эти послѣднія въ глубокія продольныя долины, тогда какъ пласты твердыхъ известняковъ остались почти неразрушенными и только на вершинахъ своихъ потеряли неуклюжія формы, придавъ имъ обликъ конусовъ и пиковъ. Однообразная толща вывороченныхъ слоевъ превратилась въ рядъ хребтовъ, раздѣленныхъ прерывающимися продольными долинами, при чемъ чѣмъ тверже была первоначальная, давшая начало горнымъ хребтамъ порода, тѣмъ выше воздымаются эти хребты. Вступая съ сѣвера въ долину Ардона вы легко наблюдаете эту послѣдовательность. Владикавказскія равнины съ сѣвера окаймлены невысокими холмами изъ третичнаго ракушечника. Южнѣ Алагіра возвышается уже болѣе высокая гряда, сложенная изъ болѣе твердыхъ мѣловыхъ известняковъ; еще же южнѣ за нею высится громадный хребетъ изъ юрскихъ доломитовъ тотъ самый, который Столовою и др. горами заслоняетъ настоящія снѣговыя вершины горъ отъ жителей Владикавказа и который западнѣе, становясь ниже, образуетъ хорошо знакомыя жителямъ Кисловодска высоты Бермамута. Эти твердые доломиты бѣловато-лиловато-розоваго цвѣта, самая твердая изъ осадочныхъ породъ. Сѣвернаго Кавказа, отдѣленные и съ сѣвера, и съ юга продольными долинами, представляютъ какъ бы островъ, освобожденный отъ облекавшихъ его нѣкогда толщъ болѣе мягкихъ породъ. Близъ дорожной станціи Нехасъ вы достигаете подножія этого хребта, который прорванъ здѣсь Ардономъ, вытекающимъ изъ узкаго ущелья. Въ ущельѣ этомъ ясно можно видѣть, какъ круто падаютъ пласты доломитовъ на сѣверъ, при чемъ склонъ долины, образуемый этимъ хребтомъ, такъ ровенъ, какъ переплетъ наклоненной книги, и только мягкая мурава поросшихъ на немъ травъ скрываетъ гладкую поверхность известняка, дѣлая возможнымъ восхожденіе.

Долина Ардона вновь суживается, и вы вступаете, минувъ ведущую къ руднику продольную долину, въ красиво поросшую соснами часть долины, въ глубинѣ которой возвышается большая

станціонная постройка урочища св. Николая. Это безспорно лучший пунктъ для остановки и отдыха экскурсантовъ. Обширное помѣщеніе имѣетъ нѣсколько просторныхъ, чистыхъ, европейски обставленныхъ комнатъ, которыя даютъ возможность здѣсь отдохнуть и собраться съ силами для экскурсіи на интереснѣйшій изъ ледниковъ Кавказа—Цейскій.

Рѣка Цея и долина ея впадаютъ въ долину Ардона какъ разъ около урочища св. Николая—и широкая и удобная для верховой ѣзды тропа ведетъ вверхъ по долинѣ къ селенію того же имени, а затѣмъ къ леднику. Я не буду здѣсь описывать долины. Выполненная нѣкогда ледниковыми наносами его поддонной морены, она заросла сосновымъ лѣсомъ, и послѣ голыхъ и выжженныхъ скалъ Нехаса представляетъ необыкновенно пріятное для глазъ зрѣлище. Вы уже въ обстановкѣ далекаго сѣвера. Уныло шумятъ сосны, скрывая подъ сѣнью своею рядъ гиперборейскихъ травъ въ родѣ черники, *Linnaea borealis*, и, постепенно сплываясь въ довольно густой боръ, деревья котораго еще не истребила эксплуататорская рука иностранцевъ. Да врядъ ли она когда-либо и рѣшится ихъ истребить, такъ-какъ въ долинѣ среди лѣсовъ этихъ лежитъ одно изъ великихъ святилищъ осетинскаго народа, храмъ 800-лѣтней древности, для котораго боръ этотъ играетъ роль священной рощи. Да, урочище Рекомъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, великое и святое мѣсто. Народное суевѣріе осетинъ, про которыхъ довольно трудно сказать, кто такіе они въ сущности—магометане, христіане или язычники,—настолько сильно по отношенію къ этому мѣсту, что предразсудки всѣхъ ихъ вѣрваній особенно рѣзко сказываются для наблюдателя.

Уже при приближеніи къ урочищу принимается рядъ предосторожностей. Никто изъ приходящихъ не имѣетъ права брать съ собою въ числѣ съѣстныхъ припасовъ ни колбасы, ни какого-либо другого кушанья, приготовленнаго изъ свинины, иначе не только его, но и всю мѣстность можетъ постигнуть большое несчастье. Храмъ не доступенъ для женщинъ. Да и приходящіе сюда мужчины не имѣютъ права переступать черезъ каменную ограду, которую свободно могъ бы перешагнуть взрослый осетинъ и которая отдѣляетъ отъ поросшей травой площадки самый храмъ. Трудно себѣ представить что-либо менѣе отвѣчающее понятію о христіанскомъ храмѣ, нежели это зданіе. Самая жалкая курная изба или зимница, въ которой живутъ въ морозное время на Керженцѣ за Волгою макарьевскіе дровосѣки, показали бы дворцомъ въ сравненіи съ этимъ покосившимся и

почернѣвшимъ отъ времени деревяннымъ срубомъ, крытымъ тесомъ, поросшимъ мохомъ. Эта избушка безъ колокольни, можно сказать, безъ оконъ, снаружи ничѣмъ не напоминаетъ церкви. Только черепа туровъ, прибитые къ стѣнамъ, говорятъ, что она имѣетъ какое-то мистическое назначеніе. О томъ же говоритъ и рядъ древностей, приношенія и пожертвованія различныхъ лицъ, сохраняющіяся въ храмѣ и около храма въ томъ видѣ, какъ они накопились здѣсь за много столѣтій. Говорятъ, въ послѣднее время графиня Уварова увезла наиболѣе цѣнные изъ нихъ въ Москву и такимъ образомъ сохранила многое отъ гніенія. За расхищеніе ихъ бояться было нечего, такъ-какъ народное суевѣріе лучше всякихъ музейныхъ стражей сохраняло древнія серебряныя монеты и оружіе, приносившееся въ жертву духу горъ, перекрещенному въ мѣстнаго святого. Еще во время моего посѣщенія я видѣлъ цѣлые пуки стрѣлъ и груды древнихъ монетъ, хранившіеся въ храмѣ. И внутрь зданія, въ темную и мрачную конуру, меня все-таки не пустили, позволивъ въ видѣ исключенія переступить черезъ каменную оградку. Замѣчательно, что храмъ Рекома построенъ изъ тисса. Этой породы дерева не встрѣчается нигдѣ по эту сторону Кавказскаго хребта. Онъ долженъ былъ быть взятъ далеко на южномъ склонѣ горъ. Народное преданіе говоритъ, что деревья были доставлены невидимыми духами и храмъ воздвигнутъ въ одну ночь. Но если даже отбросить вліяніе всѣхъ сверхъестественныхъ элементовъ, то нельзя не удивляться, какимъ образомъ 800 лѣтъ назадъ, когда на Кавказѣ не было ни дорогъ, ни того населенія, что теперь, черезъ кручи его горныхъ проходовъ могли быть доставлены съ низовьевъ Ріона эти громадныя тиссовыя бревна.

Особенно интересны обряды осетинъ во время храмового праздника въ Рекомѣ. Тогда осетинъ, одѣтый въ бѣлую, какъ снѣгъ, черкеску, какъ жрецъ языческаго храма, совершаетъ закланіе нѣсколькихъ бѣлыхъ же быковъ. Насколько вяжутся эти кровавыя жертвоприношенія съ христіанскимъ богослуженіемъ—я не берусь судить; но знаю, что всѣ жители сосѣднихъ ауловъ считаютъ своимъ долгомъ на нихъ присутствовать in corpore. Мясо раздѣляется между присутствующими и запивается затѣмъ пивомъ, заготавливаемымъ для этого празднества въ громадномъ количествѣ.

Дикія сцены разгула горцевъ среди густого, пріютившагося въ ущельѣ, бора смѣняются величественной картиною природы, разъ только вы сдѣлаете еще нѣсколько верстъ вверхъ по теченію рѣки Цей. Передъ вашими глазами тогда откроется краси-

вая панорама одного изъ длиннѣйшихъ изъ ледниковъ Кавказа — Цейскаго.

Говоря вообще, ледники Кавказа менѣе красивы и величественны, чѣмъ альпійскіе. Они обыкновенно много короче послѣднихъ. Ихъ льды грязнѣе и не имѣютъ того чуднаго голубого блеска, который присущъ ледникамъ Альпъ. Большая крутизна склоновъ и узость верховьевъ рѣчныхъ долинъ здѣсь чаще вызываютъ оригинальное явленіе такъ-называемыхъ снѣговыхъ мостовъ. Мосты эти являются слѣдствіемъ очень распространенныхъ на Кавказѣ лавинъ или снѣговыхъ обваловъ, которые особенно часты весною, когда накопившіяся на крутыхъ склонахъ массы снѣга, подтаивая, теряютъ равновѣсіе, обрываются и, падая, засоряютъ рѣчныя долины. Но воды рѣкъ быстро прорываютъ себѣ путь въ снѣжномъ завалѣ; воздухъ подтаиваетъ еще болѣе образованный водами гротъ и мало-по-малу масса снѣга, завалившая ущелье, превращается въ подобіе моста съ изящною аркою, подъ которой струить свои воды рѣка. Такіе снѣговые мосты весною изобилуютъ по военно-грузинской дорогѣ на пространствѣ между Коби и Гудауромъ, они попадаются и по Ардону. Въ болѣе узкихъ ущельяхъ они сохраняются все лѣто и даже остаются до зимы.

Такъ какъ ледники Кавказа менѣе грандіозны, чѣмъ альпійскіе, то тѣмъ интереснѣе тѣ изъ нихъ, которые отличаются значительною длиною. Таковъ именно ледникъ Цейскій. Здѣсь наблюдатель можетъ видѣть всѣ характерныя явленія альпійскихъ глетчеровъ.

Далеко вверху обширныя мульды наполнены вѣчными снѣгами. Подъ саваномъ этихъ снѣговъ постепенно смерзаются снѣжинки, превращаясь въ формы и ядра глетчернаго льда, которыя, смерзаясь, оставляютъ въ промежуткахъ пузырьки воздуха, наполняющіе ледъ глетчера, придавая ему структуру, по которой его легко отличить отъ обыкновеннаго рѣчного и озернаго льда. Вытекая изъ области фирновыхъ полей, ледъ Цейскаго ледника разбивается на великое множество трещинъ, поперечинъ, превращающихъ его въ хаосъ пиковъ и ущелій изъ прозрачной ледяной массы.

Ниже ледникъ принимаетъ характеръ медленно и спокойно текущей рѣки, и на его поверхности посѣтитель можетъ свободно наблюдать всѣ характерныя особенности глетчерной жизни: громадные ледниковые столы тамъ и сямъ возвышаются на его поверхности, свидѣтельствуя о быстротѣ таянія ледника. Подъ вліяніемъ вѣтра, а главное, солнца — поверхность ледяной

рѣки быстро превращается въ воду. Глазъ этого не видитъ, но показателями этой скорости таянія являются вышеназванные столы. Плоскія глыбы камня настолько защищаютъ поверхность льда отъ таянія, что она подъ зноемъ остается невидимою и, въ то время, какъ кругомъ иногда на нѣсколько футъ понизится уровень ледяной рѣки, масса льда сохраняется подъ камнемъ въ видѣ ножи, поддерживающей глыбу. Въ ясные солнечные дни мелкіе кусочки камней, напротивъ, нагрѣваясь, сильнѣе протаиваютъ во льду большія углубленія—ледниковые стаканы. Тогда загрязненная поверхность льда неровна какъ соты—вездѣ виднѣются во льду ванночки съ чистою водою, на днѣ которыхъ покоится черный камень. Но масса воды струится въ видѣ ручьевъ по самой поверхности ледника, устремляясь въ дыры, которыя въ ледникѣ протаяла вода въ его верхнемъ, изборожденномъ трещинами, теченіи. Сюда ручьи воды падаютъ въ видѣ водопада, извергающагося въ колодезь во многія сажени глубиною. Эти падающія воды обладаютъ большою силою. Захвативъ на своемъ пути камень, онѣ высверливаютъ въ руслѣ ледника глубокіе котлы, шумя и бурля какъ настоящія мельницы. Цейскій ледникъ во всѣхъ отношеніяхъ классическій ледникъ для изученія глетчерныхъ явленій. По бокамъ его тянутся такъ-называемыя боковыя, а послѣ впаденія притоковъ (такъ какъ ледникъ слагается вверху изъ нѣсколькихъ) и продольныя морены—или груды обломковъ скалъ, нѣкогда увлеченныхъ движеніемъ льда и затѣмъ вытѣянныхъ по мѣрѣ спаденія его массы.

Подъ такими же грудями каменныхъ моренъ скрывается и нижнее теченіе ледника, и среди этихъ обломковъ скалъ легко найти такія, которыя отполированы и исцарапаны скользящимъ по дну ледникомъ, громадныя тяжести котораго были способны отшлифовать самыя твердыя изъ горныхъ породъ. Я не буду здѣсь останавливаться на другихъ явленіяхъ глетчерной жизни, отсылая интересующагося ими читателя къ спеціальнымъ сочиненіями по тѣмъ вопросамъ. Скажу одно: и геологъ, и учащійся спеціалистъ найдутъ здѣсь богатое поприще для наблюденій всякаго рода.

Эккурсія по верховьямъ р. Цей есть побочная экскурсія для лицъ, держащихъ путь вверхъ по теченію Ардона. Если вернуться вновь въ ущелье св. Николая и слѣдовать теченію этой рѣки, вы вступите въ необыкновенно величественное и красивое ущелье р. Ардона. Оно не уступаетъ по грандіозности Дарьяльскому и лучше ущелья Рейса по сенъ-готардской дорогѣ. Оно шире Дарьяла, но имѣетъ передъ послѣднимъ то преиму-

щество, что поросло живописно разбросанными соснами. Ардонъ тутъ бурлитъ какъ настоящій горный потокъ, подрывая скалы. Многія обрушиваются въ него съ грохотомъ, и онъ обтирая другъ о друга ихъ угловатыя массы, превращаетъ въ окатанные валуны, которые медленно движетъ по руслу. Но часто туда обрываются обломки столь громадныя, что онъ не въ силахъ ихъ сдвинуть съ мѣста. Они возвышаются среди потока наподобіе скалистаго острова, и на такихъ островахъ иногда еще держится сосна, нѣкогда выросшая на этой глыбѣ, когда она высилась гдѣ-нибудь на высокомъ карнизѣ ущелья. Пропиливающая работа воды здѣсь еще въ полной силѣ, и только созерцая здѣсь, на мѣстѣ, ея дѣятельность, можно понять, какъ это мягкая вода можетъ пропиливать полутораверстной глубины долины и ущелья въ твердой гранитной груди горъ.

Ущелье Ардона находится уже въ сердцѣ Кавказа. Мягкіе песчаники и глинистые сланцы при приближеніи къ урочищу св. Николая смѣняются твердыми кристаллическими сланцами, затѣмъ гнейсами и, наконецъ, въ ущельѣ всюду выступаютъ твердые, сѣрые граниты, первозданная порода, состоящая, такъ сказать, ядро хребта. Минуя ущелье, мы уже находимся, говоря геологически, на противоположной сторонѣ хребта. Мы снова встрѣчаемъ тѣ же сланцы, что мы видѣли до сел. св. Николая. Мы пересѣкли центральную складку, и намъ предстоитъ въ обратномъ порядкѣ встрѣтить опять тѣ же породы, что и на сѣверномъ склонѣ. Но здѣсь порядокъ напластованія ихъ много сложнѣе. Онѣ собраны въ громадное число второстепенныхъ складокъ вмѣсто того, чтобы имѣть однообразное паденіе на югъ.

Уже около селенія Заромаги нѣтъ лѣсовъ. Нѣтъ не потому, чтобы они не могли расти, но потому, что ихъ истребилъ человекъ. Зеленѣющіе луга травъ покрываютъ кругомъ горныя откосы, и среди нихъ вьется шоссе, все выше и выше поднимающаяся въ горы, гдѣ все сырѣе и сырѣе становится почва луга и гдѣ подъ вліяніемъ возрастающаго холода постепенно измѣняется растительность изъ обыкновенной луговой въ настоящую кавказскую, альпійскую или, правильнѣе, нагорную флору.

На самомъ Мамиссонѣ вы находитесь уже среди этой послѣдней. Чудная панорама горъ, съ которыхъ спускается не менѣе 7 глетчеровъ второго порядка, открывается взорамъ. Самый перевалъ рѣдко когда освобождается вполнѣ отъ снѣга. Во всякомъ случаѣ, пятна фирна, не тающаго все лѣто, всегда можно видѣть у дороги. На нихъ можно видѣть развитіе

Protococcus nivalis, микроскопической водоросли полярных странъ, окрашивающей снѣга эти въ нѣжно-розовый цвѣтъ. Это знаменитый красный снѣгъ, такъ часто упоминаемый у полярныхъ путешественниковъ. По окраинамъ фирновыхъ пятенъ первымъ растеніемъ, оживляющимъ луга, является подснѣжникъ, здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо заслуживающій своего названія. Онъ здѣсь играетъ ту же роль, что преслуватая *Soldanella alpina* въ Швейцаріи. Его головки пробиваются изъ-подъ снѣга, довольствуясь температурою 0°, и хорошенькіе цвѣточки раскрываютъ свои вѣнчики надъ бѣлою поверхностью фирна.

За ними слѣдуютъ, расцвѣтая, характерныя кавказскія нагорныя растенія: *Pulsatilla albana*, *Primula* различныхъ видовъ, хорошенькія ярко-синія генціаны, *Anemone narcissiflora*, незабудки—*Myosotis alpestris*—необыкновенно крупныя, и цѣлый рядъ другихъ характерныхъ растеній кавказскихъ высотъ, перечисленіе которыхъ я опускаю. Скажу одно, знакомаго съ альпійскою флорою здѣшняя луговая растительность поразить своею величиною. Здѣсь мало тѣхъ миниатюрныхъ растеній, которыя такъ прельщаютъ гербаризатора въ Швейцаріи. Здѣсь, наоборотъ, травы размѣрами приближаются къ луговымъ, и среди нихъ есть много знакомыхъ жителю низины видовъ, въ родѣ *Caltha palustris*, или чемерицы—*Veratrum album*.

Но яркость вѣнчиковъ здѣсь та же самая, что и на Альпахъ, и крупные цвѣты нагорныхъ луговъ Кавказа затмятъ своимъ блескомъ альпійскіе. Только вмѣсто миниатюрныхъ розовыхъ альпійскихъ розъ вы встрѣтите здѣсь высокій, усыпанный бѣлыми цвѣтами кустарникъ кавказскаго рододендрона, не менѣе эффектнаго, чѣмъ попадающіяся ниже въ лѣсахъ кавказскія азалеи съ душистыми желтыми цвѣтами, образующія густыя заросли по пути къ Цейскому леднику. Недостаетъ только здѣшней флорѣ эдельвейсовъ, этой приманки альпійскихъ туристовъ.

Особенно эффектна альпійская флора Мамиссоновскаго перевала на его южномъ склонѣ, откуда открываются роскошныя панорамы лѣсистыхъ, увѣнчанныхъ снѣгами горъ. Эти панорамы не уступаютъ лучшимъ мѣстамъ Энгадина.

Это тѣ же снѣжные пики въ рамкѣ изъ задумчивыхъ хвойныхъ лѣсовъ. Но хвойныя лѣса, въ которые вы вступаете, спускаясь съ Мамиссона, не тѣ, что на сѣверномъ Кавказѣ; вы сразу попадаете въ другой міръ, въ царство иного климатическаго режима, съ болѣе мягкою зимою, съ воздухомъ, постоянно насыщеннымъ влагою. Первыми васъ опять встрѣчаютъ хвойные

лѣса, но лѣса эти состоятъ изъ кавказской ели—*Picea orientalis* и кавказской пихты—*Abies Nordmanniana*. Хотя по облику эти деревья и похожи на наши ели и пихты сѣвера, но отношеніе къ климату ихъ иное. Онѣ мерзнуть даже подъ широтою Харькова и для германскаго климата считаются еще въ числѣ весьма нѣжныхъ растеній. Но даже не ботаникъ, всмотрѣвшись, сейчасъ увидить и во внѣшнемъ ихъ обликѣ значительное отличие отъ нашихъ хвойныхъ сѣвера. Яркость окраски и блескъ хвои сразу показываютъ, что они незнакомы съ суровыми морозами сѣвера. Деревья смотрятъ какъ-то зеленѣе, веселѣе, подходя подъ тонъ вѣчной зелени субтропическихъ породъ, не сбрасывающихъ листы. Несмотря на значительную высоту надъ уровнемъ моря, на которой расположена эта полоса хвойныхъ деревьевъ, подъ ея сѣнью начинаютъ попадаться представители и этихъ породъ: падубъ или колючій остролистъ—характерное растеніе сѣверо-западной Европы, красныя ягоды котораго, созрѣвая въ концѣ декабря, дѣлаютъ кустъ этотъ замѣчательно эффектнымъ украшеніемъ комнатъ во время рождественскихъ праздниковъ въ Англіи и Франціи; лавровишня, характерное дерево закавказскихъ лѣсовъ, здѣсь еще имѣющая видъ кустарника, и, наконецъ, кавказская черника, кустъ выше человѣческаго роста, съ гроздьями ягодъ, цвѣтомъ и вкусомъ, не отличающихся отъ нашей черники сѣвера. Этотъ *Vaccinium arctostaphylos*, какъ и черничники субтропическихъ странъ далекаго Востока, не можетъ быть названъ вполне вѣчно-зеленымъ растеніемъ, и листва его держится необыкновенно долго. Онъ украшаетъ своею зеленью нижніе яруса колхидскихъ лѣсовъ вплоть до турецкой границы включительно. Его зелень теперь высушивается сотнями пудовъ, вывозится внутрь Россіи подъ названіемъ кавказскаго чая и идетъ на подмѣсъ къ болѣе дешевымъ сортамъ китайскаго чая. Сколько тысячъ народа, пьющаго въ трактирахъ южной Россіи «китайскую травку», пьютъ, сами того не подозревая, отечественный продуктъ.

Пихтовые лѣса, пересѣкаемые военно-осетинскою дорогою, необыкновенно красивы. Здѣсь попадаются участки съ высокими, строевыми, прямыми какъ свѣчи, деревьями. Разбросанные группами на зеленѣющихъ луговинахъ, они придаютъ пейзажу особенный, не встрѣчающійся на сѣверѣ характеръ.

Къ сожалѣнію, погода здѣсь гораздо менѣе постоянна, чѣмъ на сѣверѣ, и часто дожди мѣшаютъ наслаждаться прелестями пейзажа.

Вообще, начиная съ этого пояса лѣсовъ, мы вступаемъ въ область колхидской природы. Мы въ верховьяхъ Ріона, и скоро и сама знаменитая рѣка Колхиды открывается передъ нашими глазами во всей ея красѣ. Мы въ области иного, непривычнаго для русскаго человѣка климатическаго режима. Режимъ этотъ ближе всего къ тому, который господствуетъ на берегахъ Атлантическаго океана, въ Бретани и въ южной Англіи, но имѣетъ то преимущество, что благодаря болѣе южному положенію Кавказа, лѣтніе лучи солнца здѣсь теплѣе, воздухъ въ лѣтніе мѣсяцы дѣлается оранжерейно-жаркимъ, напоминая воздухъ субтропическихъ странъ Далекаго Востока—средней Японіи и соотвѣтствующихъ областей Китая.

Спустившись съ Мамиссона, мы вступаемъ въ область, занятую картвельскимъ племенемъ, ни по языку, ни по антропологическомъ особенностямъ съ осетинами ничего общаго не имѣющимъ. Извѣстный антропологъ Шантръ соединяетъ въ одну группу картвеловъ, имеретинъ, грузинъ, мингрельцевъ, сванетъ и лазовъ, но намъ кажется, что хотя народы эти и говорятъ на близкихъ другъ другу языкахъ и имѣютъ общія черты культуры, но они только въ основѣ имѣютъ картвельскую кровь. Къ ней примѣшано много постороннихъ элементовъ, дѣлающихъ долговязаго имеретина далеко не похожимъ на сутуловатаго грузина, и въ интересующей насъ области примѣсь семитскихъ элементовъ несомнѣнна. Въ городахъ и теперь очень много евреевъ, держащихъ себя среди имеретинъ далеко не столь изолированно, какъ среди многихъ другихъ народовъ. Сами имеретины многими чертами характера и обликомъ напоминаютъ евреевъ, хотя любовь къ земледѣлію присуща имъ всѣмъ. Только на еврейскихъ торжищахъ встрѣтите вы такое галдѣніе, какъ при любой сдѣлкѣ, въ которой принимаютъ участіе нѣсколько имеретинъ. Влажный, изнѣживающій климатъ страны сдѣлалъ жителей непредпримчивыми и склонными къ лѣни, вызвавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, то отсутствіе любви къ комфорту, которое кидается всюду въ обстановкѣ туземца и дѣлаетъ путешествіе по Имеретіи не особенно пріятнымъ.

Вообще, переваливъ на южную сторону хребта, русскій человѣкъ перестаетъ чувствовать себя дома. Тамъ, на сѣверѣ, у гостепріимныхъ осетинъ, вы вездѣ видѣли стремленіе знакомиться съ русскими нравами, языкомъ и культурою, можетъ быть всеобразно, но вполне искренне для нихъ желаннымъ. Здѣсь, послѣ того какъ вы побываете на Мамиссонѣ, гдѣ васъ можетъ потрепать кратковременная снѣжная мятель въ іюнѣ

мѣсяцѣ, вы какъ бы переноситесь въ другое государство. Населеніе не говоритъ, да, повидимому, и не хочетъ говорить по-русски. Начиная съ администраціи и кончая полиціей и извозчиками — все туземцы, и если высшіе чины и знакомы съ русскимъ языкомъ, то напрасно вы будете этого ждать отъ старшинъ, старостъ, даже писарей и другихъ чиновъ волостного правленія, здѣсь громко именуемаго «канцеляріей». Вамъ нуженъ переводчикъ—и, сравнивая путешествіе по Мингреліи или Имеретіи съ путешествіемъ по Турціи, нельзя не сознаться, что въ послѣдней чувствуешь себя менѣе чуждымъ, болѣе дома, чѣмъ здѣсь. Я не хочу этимъ сказать, чтобы къ намъ здѣсь относились не дружелюбно. Напротивъ, я навсегда сохраню самое пріятное воспоминаніе объ отношеніи къ намъ здѣшней администраціи, но я хочу этимъ только отмѣтить тотъ фактъ, что туристъ, придя сюда съ той стороны Кавказа, долженъ приготовиться къ роли чужеземца въ краѣ съ иною культурою, языкомъ и обычаями, ничего общаго съ остальною Россіею не имѣющими.

Самый обликъ культуры страны иной. На крошечныхъ, рѣдко превосходящихъ десятину надѣлахъ, вмѣсто родныхъ хлѣбовъ, вы всюду видите кукурузу и виноградники. Выгоновъ почти нѣтъ и пустыри сейчасъ же зарастаютъ кустарникомъ и лѣсомъ. Въ хозяйствѣ здѣшняго крестьянина вы здѣсь не увидите хлѣба. Кукурузная лепешка и кислое, сильно пахнущее, вызывающее головную боль вино,—вотъ все, что онъ обыкновенно вамъ предлагаетъ, жалаая оказать гостепріимство.

Кукурузу въ болѣе нижнихъ поясахъ сопровождаетъ лобія или турецкая фасоль, выющаяся между высокими, достигающими саженой высоты стеблями кукурузы. Садовъ въ нашемъ смыслѣ вы не увидите, хотя многочисленныя фруктовыя деревья группируются около селенія, достигая громаднхъ размѣровъ и имѣя полуоголенный обликъ. Тутъ вы увидите и кавказскую хурму (*Diospyros lotus*), красивое дерево съ глянцевыми листьями и синими ягодами, и грецкій орѣшникъ, и груши, и яблони, и алчу или кавказскую сливу. Но чѣмъ гуще становится населеніе, тѣмъ большую и большую роль начинаютъ играть поля кукурузы. Обработанную первобытною сохою, или еще чаще просто руками съ помощью мотыги, на самую незначительную глубины, почву забрасываютъ сѣменами какъ попало, и когда кукуруза взойдетъ, мотыжатъ—или взрыхляютъ мотыгами почву между стеблями растенія. Зрѣлые початки сохраняютъ въ особыхъ кукурузникахъ, всюду виднѣющихся въ колхидскихъ панорамахъ. Это небольшой деревянный или плетенный ящикъ,

имѣющій не болѣе сажени въ длину и ширину и 2 аршина въ вышину; плетенка эта устанавливается на 9 деревянныхъ столбахъ, вышиною съ сажень, и покрывается дранью или осокою. Крестьянскія усадьбы здѣсь разбросаны отдѣльными хуторами, такъ-что селеніе не отвѣчаетъ здѣсь тому представленію, которое связано съ этимъ словомъ. Подъ именемъ мѣстнаго селенія правильнѣе разумѣть собственно урочище, въ которомъ разбросаны усадьбы, иногда на значительномъ другъ отъ друга разстояніи, при чемъ 5—10 домовъ вмѣстѣ большая рѣдкость. Крестьянскія постройки перемѣшиваются съ полями и садами, дворовыя мѣста обыкновенно огораживаютъ плетнями. Постройка колхидца очень поучительна. Она даетъ ясное представленіе о климатическихъ условіяхъ, въ которыхъ здѣсь живетъ человѣкъ. Это большею частью 2-хъэтажные деревянные дома, чаще всего досчастые, изъ небоящагося сырости дерева. Нижній этажъ ихъ служитъ зимнею квартирою, печи здѣсь не устраиваются. Для отопленія и варки пищи служитъ каминъ съ трубою, выходящій черезъ стѣну. Эта нижняя часть жилища обыкновенно столь же невзрачна, какъ и сакля горца, и въ ней нерѣдко въ особенно холодное время держать и скоть. Верхняя часть дома, сквозная, провѣтривается легко и обнесена со всѣхъ сторонъ балкономъ подъ навѣсомъ, защищающимъ его отъ постоянныхъ дождей. Издали такой домикъ обликомъ напоминаетъ швейцарское шале. Только зажиточные крестьяне имѣютъ столы и стулья, обыкновенно же лавки и низенькія табуретки составляютъ меблировку дома.

Осѣдлая мирная жизнь отражается и на костюмѣ, который гораздо франтоватѣе у жителей низины, чѣмъ у горцевъ.

Какъ мы уже говорили, главнымъ хлѣбомъ жителя Колхиды является кукуруза. Перемалываніе ея зеренъ совершается на маленькихъ, имѣющихъ видъ будочекъ, мельничкахъ, жернова которыхъ приводятся въ движеніе быстрымъ горизонтальнымъ теченіемъ горныхъ ручьевъ, а не силою паденія воды, какъ наши водяныя мельницы. Эти мельнички чрезвычайно оживляютъ долинки рѣкъ, которыя пересѣкаетъ дорога.

Если употребить сутки для переѣзда черезъ Мамиссонъ и заночевать въ дорожномъ домѣ по южную сторону перевала или спуститься до Уцеры, то на слѣдующій день къ вечеру можно достигнуть до уѣзднаго города Они—чисто имеретинскаго городка, наполненнаго духанами и мелкими лавчонками. Въ немъ нѣтъ никакихъ достопримѣчательностей, нѣтъ даже порядочной гостиницы для остановки, что не лишне имѣть въ виду

тѣмъ, кто, совершивъ утомительный переходъ черезъ Мамиссонъ надѣется отдохнуть съ комфортомъ въ уѣздномъ городѣ. Кромѣ того, какъ уже было сказано, обстановка природы Они имѣетъ въ себѣ мало субтропическаго. Тотъ, кто хочетъ скорѣе видѣть настоящую Колхиду, долженъ спѣшить покинуть эту деревушку и, проѣхавъ къ югу, пересѣчь южный передовой хребетикъ, сложенный изъ доломитовъ—выпѣрыхъ изъ горизонтальнаго положенія складками горъ. Ріонъ прорѣзаетъ ихъ, образуя грандіозное ущелье, и, вырвавшись, выходитъ въ холмистую мѣстность, обрамлявшую бывшій заливъ Понта, нынѣ заполненную алювіемъ ріонскую низменность.

Здѣсь вы уже среди чисто колхидской обстановки. Вывѣтрѣлыя породы принимаютъ кирпично-красный цвѣтъ тропическихъ почвъ—латеритовъ. По склонамъ горъ красуются, какъ въ сѣверной Италіи, лѣса изъ настоящаго каштана. Вездѣ въ ущельяхъ виднѣется лавровишня, высокій древовидный понтический рододендронъ (*Rh. ponticum*). Душистая желтая азалея, жасмины и черничники образуютъ вмѣстѣ съ *Carpinus duinensis* и дубомъ густые дебри кустарника, а на сырыхъ низинахъ глянцевитая листва хурмы мѣшается съ высокоствольными ольхами, закутанными въ ліаны *Smilax*, *Periploca græsa* и дикаго винограда. Папоротникъ—*Pteris aquilina*, давая вайи до сажени длиною, образуетъ густыя сплетенія, еще болѣе непроходимыя отъ колючей дикой ежевики. Чѣмъ ближе къ Кутаису, тѣмъ чаще начинаютъ попадаться одичалыя полутропическія растенія, высокія деревья смоковницъ—*Ficus carica* и усыпанныя огненными цвѣтами гранатовыя деревья (*Punica granatum*), такъ-называемыя мимозы,—*Acacia julibrissim*. Какъ гдѣ-нибудь на Цейлонѣ, при наступленіи сумерокъ, влажно жаркій оранжерейный воздухъ наполняется тысячами летающихъ свѣтляковъ, придающихъ необыкновенную поэзію здѣшнимъ ночамъ. Въ ихъ сопровожденіи вы достигаете конечнаго пункта путешествія—Кутаиса, уже описывавшагося нами.

Заканчивая эти строки, я считаю, однако, необходимымъ замѣтить, что для дополненія картины, представляемой колхидской природой, необходимо заканчивать экскурсію не въ Кутаисѣ, а въ Батумѣ, который, все равно, долженъ быть конечнымъ пунктомъ русскаго туриста, желающаго вернуться на сѣверъ. Это наши русскіе тропики.

Іеллоустонскій паркъ.

Wonderland или «страна чудесъ»,—такъ зовутъ американцы свой Іеллоустонскій національный паркъ, куда многочисленныя рекламы зовутъ толпы туристовъ. Не только книжки, путеводители и брошюры, продающіеся въ любомъ книжномъ магазинѣ, дадутъ вамъ увлекательное описаніе этого парка, но предприимчивые содержатели іеллоустонскихъ отелей даромъ раздаютъ пассажирамъ романъ-рекламу. Это дневникъ молодой дѣвушки, женихъ которой уѣхалъ на дальній Западъ и исчезъ безъ вѣсти. Молодая американка, наскучивъ жить одна, отправляется искать работы (а если можно, то и жениха) въ тѣ же края. Она описываетъ желѣзнодорожныя впечатлѣнія, достигаетъ Іеллоустонскаго парка, восторгается его пейзажемъ, озерами и ущельями и среди восхитительной природы находитъ своего жениха разбогатѣвшимъ и мечтающимъ о женитьбѣ. Они умиляются при видѣ другъ друга и устраиваютъ свадьбу. Въ концѣ книги—цѣна за проѣздъ и стоимость жизни въ отеляхъ.

Но такъ или иначе, теперь отъ сѣверной тихо-океанской желѣзной дороги ведетъ особая вѣтвь къ этому парку, и вы на локомотивѣ вѣѣзжаете въ дѣвственный лѣсъ Сѣверной Америки, который рука человѣка оставила не тронутымъ со времени открытія Новаго Свѣта и среди котораго угасающія вулканическія силы, поднявшія цѣлыя группы горъ и залившія цѣлыми потоками лавъ и базальтовъ высокія американскія поля, проявляютъ свою разнообразную дѣятельность. Въ 3—4 дня вы можете достигнуть парка изъ Вашингтона, пересѣкая области американскихъ лѣсовъ, прерій и степей.

Область прерій поѣздъ пробѣгаетъ въ два-три дня, слѣдуя по сѣверной тихо-океанской дорогѣ, и скоро вы вступаете въ страну такъ-называемыхъ дурныхъ земель—Bad lands, Mauvaises terres первыхъ поселенцевъ,—носящихъ уже характеръ среднеазіатской пустыни.

Bad lands постепенно приводятъ насъ къ Скалистымъ горамъ, среди которыхъ, на высокихъ, окруженныхъ горами, плато

¹⁾ Изъ очерковъ «У американцевъ», «Книжки Недѣли», 1891, декабрь.

и расположенъ знаменитый національный паркъ Йеллоустона. Мы покидаемъ тихо-океанскую дорогу близъ станціи Ливингстонъ. Побочная вѣтвь доставляетъ насъ въ нѣсколько минутъ до Циннабара, гдѣ насъ ожидаютъ экипажи и омнибусы ассоціаціи отелей, чтобы везти въ волшебный міръ Йеллоустонскаго парка. Йеллоустонская территорія есть участокъ Скалистыхъ горъ, оставленный правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ для забавы и поученія націи. Здѣсь запрещено селиться, строить дома и охотиться; край оставленъ въ первобытномъ состояніи; по немъ только проложены дороги для проѣзда посѣтителей и выстроено около 6 отелей для туристовъ. Желаящіе посѣтить паркъ обыкновенно берутъ абонементный билетъ на 6 дней и тогда подпадаютъ подъ власть отельной ассоціаціи. Усадивъ въ напоминающіе катафалки экипажи, вась медленнымъ шагомъ перевозятъ изъ отеля въ отель, кормятъ, поятъ и позволяютъ разсматривать чудеса парка, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. За эту недѣлю странствованій по Вундерланду вы вносите довольно круглую сумму въ 100 рублей. Въ виду солидности этой суммы и полной несамостоятельности вашей, весьма многіе изъ обывателей, быть можетъ, тѣ, которые, просидѣвъ десятокъ-другой лѣтъ въ Сити, подобномъ Чикаго, желаютъ тряхнуть стариною и вспомнить молодость, проведенную въ трудахъ піонера дальняго Запада, предпочитаютъ взять крестьянскихъ лошадей и изъ Циннабара самимъ, какъ въ дикой странѣ, разъѣзжать по Йеллоустону; раскидывать на ночь палатки и, разложивъ костеръ, ужинать, созерцая картину дѣвственной сѣверной природы. Слѣды дѣятельности такого рода туристовъ видны повсюду. Вездѣ возлѣ дорогъ раскиданы въ несмѣтномъ количествѣ жестяныя коробки отъ консервовъ, которыхъ тутъ никто не собираетъ, не утилизируетъ и которыхъ тутъ такое же изобиліе, какъ бумажекъ на любомъ общественномъ гуляньи. Съ другой стороны, ночные огни туристовъ, гасимые не особенно тщательно, произвели страшные пожары, и добрая шестая часть національнаго парка представляетъ теперь изъ себя весьма печальную картину торчащихъ головешекъ.

Чтобы въѣхать въ паркъ, вы поднимаетесь вверхъ по горному ущелью, гдѣ полынная степь граничитъ непосредственно съ лѣсомъ. Это одна изъ странныхъ особенностей Скалистыхъ горъ, какой вы не встрѣчаете нигдѣ въ Европѣ и которая даже въ горахъ Средней Азіи выражена далеко не такъ характерно какъ тутъ. Сѣдая полынная степь, типа нашихъ прикаспійскихъ полынныхъ степей, взбирается здѣсь далеко вверхъ въ горы; и

среди склоновъ и долинъ, сѣдо-сѣрыхъ отъ этого растительнаго покрова, вы встрѣчаете участки лѣса, по большей части сосноваго, отчасти пихтоваго и еловаго. *Picea Engelmanni* съ ея сѣдоватою зеленью и *Pinus масросагра* господствуютъ внизу. Это темная зелень хвойныхъ рѣзко отдѣляется отъ сѣдой поверхности степи. Впрочемъ и степь по мѣрѣ того, какъ вы входите въ горы, принимаетъ крайне своеобразный характеръ. Тѣ приземистыя полыни и сложноцвѣтныя, которыя въ Дакотѣ ничѣмъ почти по внѣшности не отличались отъ нашихъ, здѣсь достигаютъ исполинской величины. Полынная степь превращается въ заросли кустарниковъ, если хотите—въ фантастическій, въ китайскомъ стилѣ, лѣсъ изъ древовидныхъ, мѣстами превышающихъ человѣческій ростъ, полыней, солянокъ, желтыхъ сложноцвѣтныхъ, среди которыхъ тамъ и сямъ раскиданы кусты можжевельника, весьма похожаго на нашъ казачій можжевельникъ, но достигающій здѣсь размѣровъ деревьевъ.

Поднимаясь такого рода дорогою, довольно живописной и разнообразной, вы достигаете до перваго чуда Йеллоустона—до отеля, стоящаго противъ горячихъ Мамонтовыхъ источниковъ. Но прежде чѣмъ описывать эти горячіе ключи, я скажу два слова о геологической исторіи Йеллоустонскаго парка.

Весь интересъ единственныхъ въ своемъ родѣ явленій, имъ представляемыхъ, сосредоточивается на вулканической дѣятельности. Область молодыхъ горъ Западной Америки тѣмъ существенно отличается отъ вулкановъ области молодыхъ хребтовъ Стараго Свѣта, что здѣсь гораздо чаще масса лавы не извергалась изъ кратеровъ, но разливалась на громадныя пространства въ видѣ обширныхъ лавовыхъ морей изъ земныхъ трещинъ. Цѣлыя территоріи здѣсь имѣютъ почвою такого рода лавовые покровы; изъ нихъ состоятъ здѣсь цѣлыя горы. Йеллоустонскій паркъ въ отдаленныя времена былъ такимъ центромъ излитія изверженныхъ породъ. Горы, его окружающія, состоятъ главнымъ образомъ изъ ріолитовъ, обсидіановъ и т. п. породъ вулканическаго происхожденія. Но силы, ихъ извергавшія, не угасли вполне до сихъ поръ, и температура подземныхъ слоевъ, на сравнительно весьма небольшой глубинѣ, еще страшно высока. Это обстоятельство причиною того, что атмосферныя воды, просачиваясь внутрь земли и собираясь на нѣкоторой глубинѣ, нагрѣваются до температуры кипѣнія и выходятъ на поверхность земли или въ видѣ пара, или въ видѣ кипящаго ключа, или особенно часто въ видѣ гейзеровъ. И въ то время какъ исландскій гейзеръ, впервые обратившій на себя вниманіе, те-

перь фигурируетъ во всякомъ учебникѣ географіи, гейзеры Йеллоустонскаго парка, которыхъ открыто уже болѣе десятка, только въ послѣднее время начинаютъ возбуждать къ себѣ всеобщее вниманіе.

Горячіе, находящіеся подъ сильнымъ давленіемъ, подземные пары, дѣйствуя на камень, можно сказать развариваютъ его. Онъ мягнетъ, вывѣтривается, раздѣляется на песокъ и глину и отдаетъ водѣ въ растворъ такіе элементы, которые при обыкновенныхъ условіяхъ въ водѣ почти нерастворимы. Особенно много содержатъ въ себѣ такіа воды извести и кремнезема. Выходя на поверхность въ видѣ кипящихъ ключей, эти воды, охладившись, выдѣляютъ изъ себя это растворенное вещество въ видѣ снѣжно-бѣлыхъ натековъ, образующихъ иногда весьма оригинальныя фигуры. Mamonth hot springs и принадлежитъ къ числу такихъ образованій. Близъ вершины крутого склона нѣкогда выходили эти источники; отлагая постепенно по выходѣ кремнезема, они образовали громадную бѣлую гору, террасами спускающуюся книзу; по этимъ террасамъ каскадами сбѣгаетъ кипящая вода. Эти безчисленныя, образованныя изъ бѣлаго, какъ сода, натека террасы не имѣютъ вида обыкновенныхъ уступовъ: онѣ правильной, полукруглой формы, напоминающей раковины нашихъ фонтановъ или водопроводныхъ крановъ. Представляя внутри плоскія, какъ блюдечко, резервуарчики, наполненные кипящей водою, снаружи поражая своею бѣлизною, онѣ покрыты сталактитобразными натеками и представляютъ столь нѣжное чешуйчатое строеніе, что не вѣришь, что это водяной осадокъ, а не работа организмовъ.

Эта многосаженная, какъ полукруглыми балкончиками, унизанная террасами снѣжно-бѣлая гора, съ ея безчисленными каскадами и дымящеюся вершиною, производитъ сильное впечатлѣніе. Но еще болѣе оригинальнымъ дѣлается оно, когда вы взойдете на ея плоскую вершину. Чѣмъ выше, тѣмъ шире и больше дѣлаются эти террасы, превращаясь, наконецъ, въ рядъ широкихъ, плоскихъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга тонкими перегородками, водоемовъ. Въ нихъ дымитъ и кипитъ вода. Несмотря на высокую (до 60° R) температуру, воды эти обитаемы; въ нихъ живетъ особаго рода тиноподобная водоросль, выдѣляющая сѣру и измѣняющая цвѣтъ свой въ зависимости отъ температуры воды,—отъ небесно-голубаго до зеленаго, желтаго и оранжево-краснаго. Когда вы сверху смотрите на эти причудливой формы дымящіяся водоемы, вы видите передъ собою рядъ голубыхъ, оранжевыхъ, зеленыхъ и желтыхъ озеръ со столь

нѣжными переливами цвѣтовъ и тѣней, что передать ихъ затруднился бы и опытный художникъ. Вся эта картина, обрамленная свѣжею зеленью сосенъ, въ дикой горной обстановкѣ парка производить волшебное впечатлѣніе.

Переночевавши въ отелѣ у горячихъ ключей, вы на слѣдующій день двигаетесь къ другой достопримѣчательности парка—къ большому каньону Йеллоустона. Какъ извѣстно, каньонами называютъ необыкновенно глубокія и узкія рѣчныя долины съ почти отвѣсно крутыми стѣнками. Каньоны неизвѣстны въ странахъ, подобно Европѣ изобилующихъ дождями; эти формы долинъ возможны только въ областяхъ бѣдныхъ атмосферными осадками, гдѣ рѣки, беря начало съ высокихъ горъ, не получаютъ притоковъ, и въ то время какъ своею работою онѣ пропиливаютъ себѣ глубокое русло—ничто не сглаживаетъ ихъ береговъ. Явленія эти чрезвычайно характерны для западной Америки и здѣсь они иногда бываютъ необыкновенно величественны. Такъ, каньонъ рѣки Колорадо даетъ пропасть съ очертаніями чуть ли не самыми величественными въ мірѣ. Нѣсколько менѣе величественнымъ, но зато, по всеобщему признанію, несравненно болѣе красивымъ каньономъ обладаетъ и Йеллоустонскій паркъ. Къ нему и направился нашъ путь.

Это въ сущности самая интересная и живописная часть парка. То вы видите фантастически нагроможденные другъ на друга высокія, круглыя и длинныя скалы, изъ вывѣтреннаго трахита; то предъ вами выдвигается обсидіановый обрывъ—черная, какъ изъ бутылочнаго стекла сдѣланная, блестящая скала. Дорога все время идетъ сосновымъ лѣсомъ. Лѣсъ этотъ, какъ и весь Йеллоустонскій паркъ, содержится крайне небрежно и соединяетъ въ себѣ дикую картину его первобытнаго состоянія съ печальнымъ зрѣлищемъ небрежнаго обращенія со стороны чело-вѣка. Цѣлыми верстами тянутся обгорѣлые пни; гдѣ лѣсъ живъ, онъ заваленъ полусгнившими стволами, образующими между деревьями непроходимыя баррикады. При значительной высотѣ парка надъ уровнемъ моря, здѣсь уже господствуетъ чисто сѣверная растительность. Сосна является господствующимъ деревомъ; но это не наша сосна, съ ея широкою изящною кроною, по справедливости называемая пальмою сѣвера; это дерево, съ прижатыми голыми вѣтвями, въ большинствѣ мѣстъ производить впечатлѣніе убогости. Подъ ея сѣнью, несмотря на тысячи верстъ, отдѣляющія эти сосновые боры отъ нашего сѣвера, глазъ встрѣчаетъ все родныя формы. Свѣжая зелень листьевъ черники, болѣе мелкихъ чѣмъ у нашей, образуетъ основной

фонъ растительности. Тамъ и сямъ виднѣтся ягодка земляники; копорскій чай распускаетъ между кустами малины свой ярко-розовый цвѣтокъ; въ тѣни виднѣтся брусничникъ, и только лиловые липинусы, тамъ и сямъ распускающіе свои цвѣты, напоминаютъ, что вы находитесь въ Америкѣ, а не гдѣ-нибудь въ Петербургскихъ окрестностяхъ или Нижегородскомъ Заволжѣ.

Среди этой то однообразной природы и расположенъ каньонъ парка. Вы подъѣзжаете къ нему по крутому подъему, и, обыкновенно, покинувъ на полпути экипажъ, поднимаетесь пѣшкомъ къ обрыву пропасти, въ которую съ шумомъ низвергается громадный водопадъ. Вы останавливаетесь, пораженный чудною картиной. Справа падаетъ съ высоты масса пѣнящейся, шумящей воды, далеко внизу подъ вашими ногами въ пропасти разбивающаяся на тысячи брызгъ, давая начало рѣкѣ, извивающейся на недостижимой глубинѣ. Слева развертывается восхитительная панорама глубочайшаго ущелья. Далеко вверхъ темнѣтъ нависшій надъ обрывомъ лѣсъ; подъ нимъ открывается круча, падающая внизъ, унизанная, какъ бастіонами, отдѣльными выступами скалъ, на которыхъ лѣпятся деревья. Глубже и глубже спускается ущелье, тѣснѣе нависаютъ скалы и на недостижимой глубинѣ пѣнятся голубыя воды потока. Выступы скалъ, крутые обнаженные обрывы окрашены въ самые фантастическіе цвѣта, отъ яркаго канареечно-желтаго до коричневаго и малиноваго. Эти пестрые оттѣнки, прелестно гармонируя съ зеленью хвойныхъ, въ общемъ даютъ картину, не поддающуюся никакому описанію. Надобно ее видѣть, чтобы понять всю ея прелесть, все ея чудное величіе.

По краю ущелья вьется узенькая тропинка. Слѣдуя ея извивамъ, вы открываете все новыя и новыя панорамы. Крутые края оврага здѣсь размыты и разбиты на отдѣльно выдающіеся уступы самыхъ фантастическихъ очертаній и формъ. Никакія развалины старинныхъ, древнихъ замковъ, нависшихъ на скалахъ надъ пропастью, не производятъ того впечатлѣнія, какъ эти отдѣльно, какъ замки на уступахъ, расположившіяся, висящія надъ пропастью причудливыя бѣлыя скалы. По узкимъ тропинкамъ вы можете взлѣзть на нѣкоторыя изъ нихъ, стать на площадку, едва достаточную, чтобы умѣстились ваши ноги. Тогда дивный міръ предстанетъ передъ вами. Какъ на вершинѣ одинокой горной вершины, парите вы надъ пропастью, каменстой и пустынной, со дна которой со всѣхъ сторонъ поднимаются къ вамъ такія же пики. Подобныя же башни справа и слева заслоняютъ вамъ горизонтъ. А на безконечной глубинѣ подъ

ними, среди лѣса, отдѣльныя деревья котораго кажутся подобными моху, пѣнится рѣка, исчезающая какъ бы въ исполинскихъ воротахъ среди громаднаго ущелья. Стѣны этого ущелья, принимая самыя фантастическія формы, вырастаютъ передъ вами съ другой стороны рѣки, давая картину горъ съ лѣсами, оврагами и ущельями. Съ другой стороны во всей красѣ развертывается панорама низвергающагося вдали исполинскаго водопада. Вы парите надъ этою картиною, надъ которой стоите какъ бы поднятый на невѣроятную высоту. Картина совмѣщаетъ въ себѣ всѣ прелести вида съ птичьяго полета съ величественною панорамой горнаго ущелья. Она даетъ такія сочетанія цвѣтовъ и красокъ, такое ощущеніе величія природы, подобнаго которымъ врядъ ли можно найти много. Американцы сумѣли понять величіе этой картины. Они не только запретили что-либо строить, но даже не проводятъ новыхъ дорогъ, не разводять огня, не позволяютъ стрѣлять. Попадая сюда, человѣкъ находится съ глазу-на-глазъ со строгою сѣвѣрною природою во всей ея красотѣ и въ полной тишинѣ и безмолвіи. Онъ самъ нѣмѣетъ передъ этою дивною красотою, имѣя товарищемъ только орловъ, гнѣзда которыхъ пріютились на отдѣльныхъ вершинахъ, торчащихъ изъ бездны.

Нигдѣ въ Европѣ туристъ не увидитъ ничего подобнаго. Надо имѣть каньонъ, чтобы получить это сочетанія высоты съ бездною. Чтобы встрѣтить нѣчто аналогичное, вы должны или ѣхать въ Америку, или отправиться въ скалистыя горы Стараго Свѣта—на нашъ Тянь-Шань. Здѣсь въ образѣ глубокаго ущелья рѣки Чарына, вы вновь встрѣчаете величественную картину каньона, которая по своему эффекту можетъ состязаться съ Йеллоустонскимъ. Но въ то время какъ каньонъ Йеллоустона извѣстенъ на весь міръ, его фотографіи и описанія вы найдете въ любомъ американскомъ городѣ,—каньонъ Чарына посѣщаютъ лишь киргизы, онъ никѣмъ не описанъ и проѣзжающіе путешественники упоминаютъ только о томъ, что рѣка Чарынъ вырывается въ степи изъ горъ, образуя единственное въ своемъ родѣ по глубинѣ ущелье. Да позволено будетъ поэтому мнѣ (быть можетъ, единственному европейцу, имѣвшему возможность сравнить эти два каньона), напомнить нѣсколько подробнѣе о нашемъ ущельѣ.

Общаго между каньономъ Чарына и Йеллоустона только то, что оба каньона—поразительной глубины; но обстановка и характеръ ихъ совершенно иные. Выѣзжая къ каньону Чарына, вы выходите на обширную, ровную какъ столъ, поросшую по-

лынями степь; далеко кругомъ синѣютъ горы; но горы эти такъ далеки, что онѣ закутаны, какъ вуалью, голубою дымкою. И вотъ, когда вы ѣдете по этой степи, совершенно неожиданно подъ вашими ногами развертывается панорама цѣлой горной страны. Почва обрывается подъ вашими ногами почти отвѣсною стѣною и образуетъ многосаженную кручу. Подъ нею открывается горная страна пиковъ, долинъ и ущелій, страна суровая и мрачная, круто падающая въ глубочайшую долину, гдѣ реветъ Чарынъ, съ этой высоты кажушійся узенькою ленточкою, обрамленною деревьями, кроны которыхъ не болѣе горошины. Но самая величественная картина на Чарынъ открывается, когда, проѣхавъ степь, вы подыметесь на небольшой кряжъ, откуда виденъ прорывъ Чарына. Правда, здѣсь онъ не образуетъ водопада, какъ рѣка Іеллоустона; но рѣка бѣшено бурлитъ здѣсь на недостижимой глубинѣ въ узкомъ, какъ корридоръ, гранитномъ ущельѣ. Весь каньонъ Чарына лишенъ причудливыхъ башенъ и выступовъ, которыми такъ изобилуетъ Іеллоустонъ, но зато его глубина значительно больше, а щель такъ мрачна и величественна, что не только я съ полчаса не могъ оторвать глазъ отъ обрамленной мрачными скалами пропасти, но и сопровождавшій меня киргизъ до того увлекся картиною, что опомнился лишь тогда, когда нашъ караванъ почти скрылся изъ его глазъ.

Собственно говоря, каньономъ Іеллоустона и исчерпываются всѣ красоты парка. У васъ затѣмъ совершенно напрасно отнимаютъ два дня, провозя къ расположенному между холмистыми горами озеру и катая по этому озеру на пароходѣ. Ни его берега, ни дорога, ведущая къ нему, не представляютъ ничего красиваго. Само озеро по красотѣ своей едва можетъ сравниться съ нашими сѣверно-русскими и финляндскими озерами, и только сознаніе, что оно лежитъ на значительномъ уровнѣ, миритъ нѣсколько со скукою плаванія по его поверхности. Рассказываютъ, что на этомъ озерѣ есть маленькое чудо—небольшой островокъ изъ кремнеземистой накипи, въ кратерѣ котораго постоянно кипитъ вода. Такъ какъ воды въ озерѣ, окружающія островокъ, совершенно холодныя, то къ нему могутъ подплывать рыбы; рыбъ этихъ можно удить и, не снимая съ удочки, а только перебросивъ на другую сторону этого маленькаго кольцеобразнаго островка, варить его въ кратерѣ. Но это чудо почему-то намъ не показывали.

Вообще же говоря, странствія по парку утомительно однообразны. Цѣлыя версты горѣлаго лѣса, болотца, полузаросшія ивнякомъ и осокою, какъ гдѣ-нибудь подъ Колпинымъ, чухлый

соснякъ, заваленный за тысячелѣтія скопившимся буреломомъ, медленная, нестерпимая для русскаго человѣка ѣзда въ экипажѣ, сѣренькое небо, петербургскій дождикъ по временамъ и однообразно холмистая мѣстность сопровождаютъ васъ все время. Я и мои русскіе спутники приравнивали эту природу и къ сѣверному Уралу, и къ сѣверо-восточной Сибири, и къ Райволѣ, но вездѣ мы находили больше разнообразія и красоты, чѣмъ здѣсь. Нами овладѣвала тоска и досада на даромъ потраченныя время и деньги, которыя можно бы было употребить на лучшія экскурсіи.

Несравненно интереснѣе—области гейзеровъ, которыя путешественники посѣщаютъ въ послѣдніе дни пути. Эти гейзеры, попадающіеся по всему парку, главнымъ образомъ собраны въ двѣ группы: верхніе и нижніе гейзеры. Ихъ области уже издали представляютъ оригинальную картину. Передъ вами открывается обширная, бѣлая какъ снѣгъ низина, среди которой тамъ и сямъ разбросаны участки лѣса—сосенъ или елей. Въ различныхъ пунктахъ этой низины изъ земли поднимаются густые клубы бѣлаго пара. Кажется, будто передъ вами мѣсто покину- таго лагеря и горитъ многое множество костровъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ, однако, пространства, занятыя паромъ, очень велики и паръ весьма густъ. Если вы приблизитесь къ источнику этого пара, вы обыкновенно видите круглую луну или иногда просто небольшое возвышеніе, выполненное кипящей водою. Вода эта кипитъ ключемъ. Въ однихъ мѣстахъ она бываетъ чистая какъ хрусталь, въ другихъ резервуарахъ она кажется небесно-голубою, наконецъ, нѣкоторые ключи, берущіе начало въ разваренныхъ ихъ дѣятельностью діоритахъ, кипятъ въ жидкой грязи, или, лучше сказать, глинѣ чисто бѣлаго или розоваго цвѣта. Оригинальную картину представляютъ эти резервуары густой кипящей бѣлой грязи. На нихъ постоянно вскакиваетъ великое множество пузырей; эти пузыри лопаются, оставляя на грязи ряды долго не сглаживающихся концентрическихъ круговъ. Всѣ вмѣстѣ представляютъ весьма оригинальное зрѣлище. Но громадное большинство резервуаровъ имѣетъ на днѣ лишь одинъ кипящій ключъ воды. Наблюдая за его кипѣніемъ, вы видите, что оно подвержено нѣкоторой періодичности: ключъ порою бьетъ сильнѣе, порою ослабѣваетъ. Отъ такихъ ключей одинъ переходъ до маленькихъ гейзеровъ. Вы видите полный воронкообразный резервуаръ; вы видите, какъ на вашихъ глазахъ онъ постепенно наполняется кипящей водою, которая наконецъ, выходитъ изъ краевъ. Тогда слышится легкій гулъ и

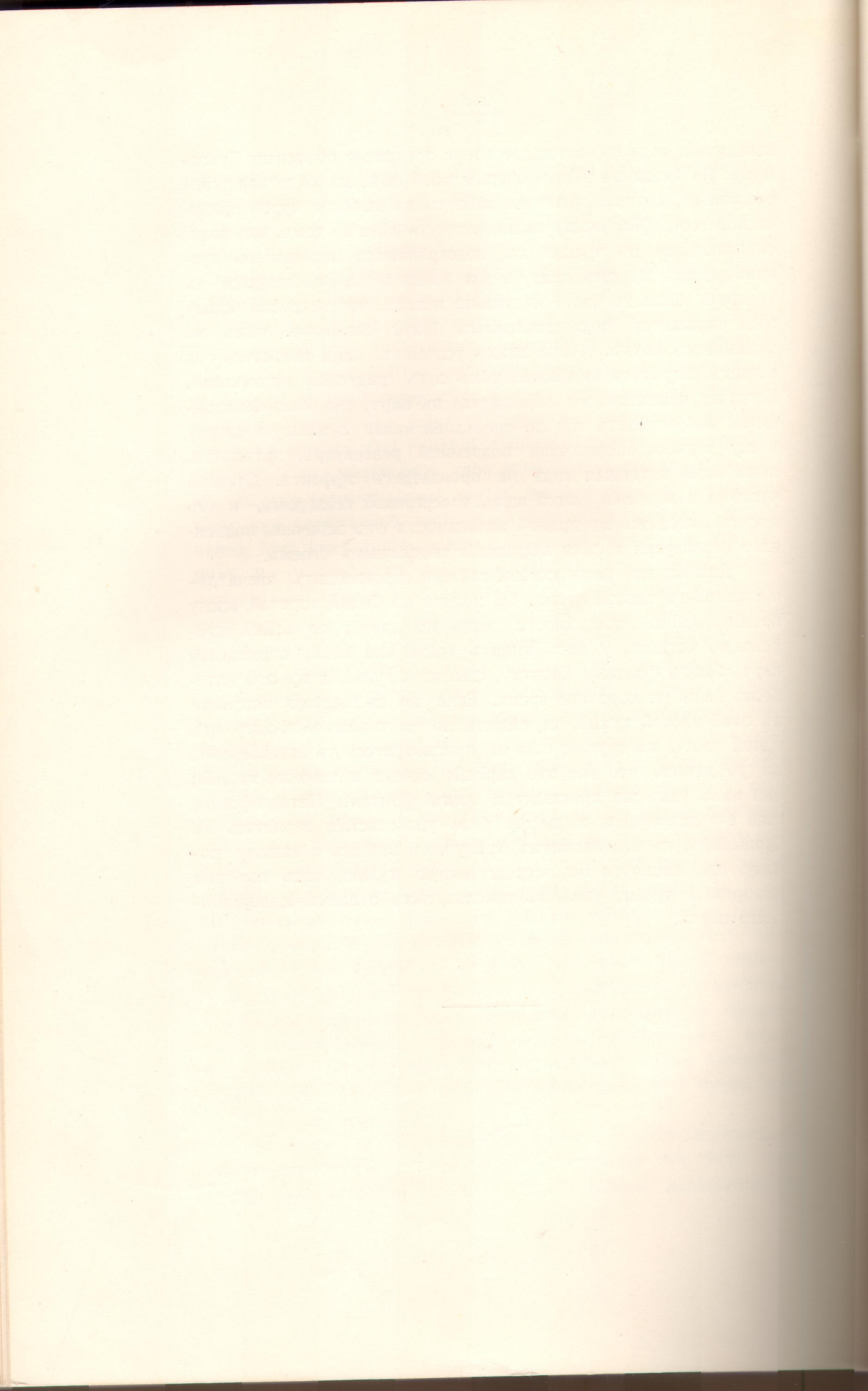
начинаетъ съ большою силою и массою пара выбрасываться фонтаномъ вода на весьма значительную высоту. Это продолжается нѣсколько минутъ, пока не будетъ выкинуто все содержимое бассейна; тогда гейзеръ утихаетъ; мало-по-малу резервуаръ наполняется высачивающейся изъ нѣдръ земли кипящей водою, и гейзеръ начинаетъ играть вновь.

Изверженія гейзеровъ повторяются съ такой правильностью и періодичностью, что время изверженія можно высчитать минуту въ минуту. Этимъ и пользуются путеводители, чтобы показывать публикѣ изверженія самыхъ большихъ, знаменитыхъ гейзеровъ. Ихъ болѣе десятка; самые большіе изъ нихъ (Гигантъ, Гигантесса, Old Faithfull, Павлиній хвостъ, Береговой и нѣкоторые др.) извергаютъ свои воды черезъ довольно большіе промежутки времени—иные черезъ два или три дня. Зато масса воды, ими извергаемой, громадна и картина изверженія великолѣпна. Мнѣ приходилось присутствовать при изверженіи нѣсколькихъ. Вы стоите съ часами въ рукахъ, съ нетерпѣніемъ ожидая назначенной минуты и часа. Передъ вами изъ земли торчитъ широкое жерло, въ которомъ кипитъ вода. Вотъ бурленіе ея становится все сильнѣе и сильнѣе—нѣсколько разъ подбрасываются кверху значительныя массы воды. Наконецъ, послѣ двухъ-трехъ глухихъ раскатовъ, окруженный густыми клубами горячаго пара, на высоту нѣсколькихъ десятковъ саженей вылетаетъ столбъ кипятку. Не фонтаномъ, а скорѣе роскошнымъ фейерверкомъ бьетъ онъ на высоту во всѣ стороны, распространяя облака пѣннаго пара. Дѣйствіе гейзера рѣдко продолжается долѣе четверти часа. Затѣмъ силы его быстро слабѣютъ и онъ вновь затихаетъ. Нѣкоторые изъ гейзеровъ имѣютъ особыхъ индикаторовъ—небольшіе, по сосѣдству расположенные гейзеры, начинающіе свое изверженіе всегда ровно за 5 или 10 минутъ до начала большого. Большіе гейзеры выбрасываютъ струи различной формы, отъ которой они и получаютъ свои названія. Одни бьютъ въ видѣ фонтана, другіе разбрасываютъ свою струю вѣромъ, третьи, наконецъ, выдѣляютъ неимоверное количество пара. Нѣкоторые окружены причудливыми загородами, образованными кремнеземистымъ выдѣленіемъ, другіе бьютъ среди естественныхъ прудовъ; наконецъ одинъ, названный «монархомъ», бьющій у подножія скалы, выходитъ прямо изъ разсѣлинъ въ землѣ.

Въ сущности, таково происхожденіе и прочихъ гейзеровъ,—они также бьютъ изъ трещинъ; но трещины эти болѣе или мѣнѣе замаскированы накипью. Самое явленіе періодическаго

изверженія водъ въ настоящее время прекрасно объяснено Бунзенъ. Не входя въ этотъ очеркъ моей поѣздки въ детали этого объясненія, которое читатель найдетъ въ любомъ курсѣ физической географіи, укажу лишь, что суть дѣла въ томъ, что воды, скопляющіяся въ трещинахъ, подогреваются подземнымъ вулканическимъ жаромъ *снизу* и что масса воды, находящаяся въ трещинѣ, бываетъ часто настолько велика, что нагрѣтая внизу вода находится подъ давленіемъ болѣе сильнымъ, чѣмъ въ запаянномъ котлѣ. А при этихъ условіяхъ, какъ извѣстно, она можетъ нагрѣться до нѣсколькихъ сотъ градусовъ не закипая. Когда же, наконецъ, она обращается въ паръ, она, какъ бы взрывающаяся, выбрасываетъ всю до послѣдней капли лежавшую сверху массу воды и, опорожнивъ подземный резервуаръ, затихаетъ, пока вновь натекая вода не произведетъ эффекта. Степень частоты изверженій, масса воды, извергаемой гейзеромъ, и его высота находятся въ прямой зависимости отъ величины подземнаго резервуара и силы нагрѣванія подземнымъ огнемъ.

Долина, гдѣ расположены гейзеры, производитъ впечатлѣніе какой-то адской кухни. Вы ходите по бѣлой, горячей, всюду продыравленной поверхности, какъ по плитѣ; со всѣхъ сторонъ въ котлахъ у васъ кипитъ грязь или вода, подымается паръ, бьютъ фонтаны кипятку, слышится гулъ. Но все это интересно лишь на короткое время. Если вы съ недѣлю проживете въ этой адской кухнѣ, переѣзжая по ея унылымъ лѣсамъ отъ одной плиты къ другой, если вы присмотритесь къ ея гейзерамъ, вы убѣдитесь, что все это варіаціи одного и того же явленія; они вамъ такъ же приглядятся, какъ фонтаны Петергофскаго сада его дачникамъ, и вы не безъ удовольствія вернетесь въ Циннабаръ, къ его насыпямъ, гремучимъ змѣямъ и вашему поѣзду, гдѣ, несмотря на посредственную кухню, васъ все-таки кормятъ лучше, чѣмъ въ пресловутыхъ отеляхъ Йеллоустонскаго парка.

**Библиографическій указатель печатныхъ работъ, статей и
замѣтокъ проф. А. Н. Краснова ¹⁾.**

Сокращенія: «Р. С.»—«Русскіе Субтропики», «Ю. К.»—«Южный Край».
«Кн. Нед.»—«Книжки Недѣли».

1881 г.

Очеркъ жизни сорока обыкновеннѣйшихъ насѣкомыхъ изъ всѣхъ
отрядовъ. Подъ ред. Н. Л. Рѣшетина. Изд. «С.-Петербург. мастерской учебн.
пособій и игръ».

1884 г.

Общій характеръ растительности въ Сергачскомъ у., Нижег. губ.
«Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижег. губ. Вып. III. Сергачскій уѣздъ
Изд. Нижег. Губ. Земства. С.-П.».

О происхожденіи чернозема.

1886 г.

Замѣтки о растительности Алтая. «Тр. И. С.-Пет. О-ва Ест.».

Гео-ботаническія изслѣдованія въ Калмыцкихъ степяхъ. «Изв. И.
Р. Геогр. О-ва», т. XXII.

1887 г.

У азіатовъ. «Кн. Нед.» № 5, 6.

Въ снѣгахъ и льдахъ восточнаго Тянь-Шаня. «Кн. Нед.», № 8.

Нѣсколько данныхъ о состояніи сельскаго хозяйства у русскаго
населенія Илійскаго бассейна и долины озера Иссыкъ-Куль. (Изд. М-ва
Госуд. Им.; откуда, точнѣе не указано).

Очеркъ быта Семирѣченскихъ киргизъ. «Изв. И. Русск. Географ.
О-ва». XXIII т.

Предварительный отчетъ о гео-ботаническихъ изслѣдованіяхъ въ
восточномъ Тянь-Шанѣ и его предгоріяхъ, совершенныхъ лѣтомъ 1886.
«Изв. И. Р. Геогр. О-ва». XXIII т.

О зависимости между почвою и растительностью въ черноземной
полосѣ Европейской Россіи. «Матеріалы по изученію русскихъ почвъ»,
вып. 2—3.

*Descriptiones plantarum novarum vel minus cognitarum anno 1886.
ab A. Krassnow in regionibus Thianschanicis lectarum. «Scripta botan.
Universit. Petropolit.», т. I.*

¹⁾ Въ виду того, что статьи А. Н. разбросаны въ самыхъ разно-
образныхъ изданіяхъ, гдѣ нерѣдко ихъ трудно и ожидать, то настоящій
указатель не претендуетъ на исчерпывающую полноту.

Ред.

Списокъ растений, собранныхъ гг. Ивановымъ и Фаусекомъ въ Ставропольской губ. по опредѣленію А. Н. Краснова. «Изв. И. Р. Геогр. О-ва», т. XXIII.

Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Flora der hochalpinen Gebiete in Thian-Schan. «Schlesisches Verein für vaterländische Kultur.»

1888 г.

У нѣмцевъ. «Кн. Нед.», № 3, 7, 8, 11.

На ученой станціи. (Въ Неаполѣ). «Кн. Нед.», № 9.

Опытъ исторіи развитія флоры южной части восточнаго Тянь-Шаня. «Зап. И. Р. Геогр. О-ва».

Comptes Rendus d'un voyage en Asie. «Journ. de la Soc. de Géographie de Paris».

1889 г.

Въ царствѣ финиковъ и апельсинъ. «Кн. Нед.», № 4.

У англичанъ. «Кн. Нед.», № 2.

Обитатели степей. «Кн. Нед.», № 7, 8.

Современныя задачи русскихъ ботаническихъ садовъ. «Вѣстн. Садов.», № 10.

Географія, какъ новая университетская наука. «Журн. М-ва Народн. Просв.», ч. ССLXVI, отд. 2.

О ділювіи Нижегородскаго Поволжья и его роли въ образованіи современнаго рельефа и географическомъ распространеніи флоры. «Тр. О-ва Исп. Пр. при Харьк. Ун.», т. XXIII.

1890 г.

Харьковскій Университетскій Садъ и его новыя задачи. «Харьк. Сборн.».

Отчетъ Императорскому Минералогическому Обществу. «Зап. И. Минер. О-ва».

У сибиряковъ. «Кн. Нед.», январь.

У горцевъ. (По Сванетіи). «Кн. Нед.», октябрь, ноябрь.

1891 г.

Нагорная флора Сванетіи и особенности ея группировки въ зависимости отъ современныхъ условій жизни и вліянія ледниковаго періода. (Предвар. отчетъ). «Изв. И. Р. Геогр. О-ва», т. XXVII.

Современное состояніе вопроса о происхожденіи Слободско-Украинской степи. «Харьк. Сборн.».

Матеріалы для флоры Полтавской губ. «Тр. О-ва Исп. Пр. при И. Харьк. Ун.», т. XXIV.

Новые виды Сванетской флоры и результаты обработки собранныхъ на Кавказѣ лѣтомъ 1890 г. коллекцій. «Тр. О-ва Испыт. Прир. при Харьк. Ун.», т. XXVI.

The black earth of the steppes of southern Russia. «Bull. Geolog. Soc. Am.» Vol. 3.

Объ антропологическихъ типахъ Харьковскаго уѣзда и города Харькова. «Географ. Сборн. Кружка студентовъ-естеств. Харьк. Унив.» Харьковъ.

У американцевъ. «Кн. Нед.», ноябрь, декабрь.

1893 г.

Рельефъ, растительность и почвы Харьковской губ. «Доклады, читанные Харьковскому О-ву Сел. Хоз.». Харьковъ.

По островамъ далекаго Востока. «Кн. Нед.», мартъ, апрѣль, май, іюнь.

На краю отечества. Ibid, іюль.

На островѣ изгнанія. Ibid, августъ, сентябрь.

У японцевъ. Ibid, октябрь.

Гео-біологическія наблюденія надъ почвами Харьковской губерніи. «Доклады Харьк. О-ву Сел. Хоз.».

Reise auf der Insel Sachalin. Berlin. «Verhandl. d. Gesellsh. f. Erdkunde».

1894 г.

Письмо въ редакцію. «Землевѣдѣніе», кн. III.

На Сахалинѣ. «Историч. Выстн.», февраль, мартъ.

Черты тропической растительности Зондскаго Архипелага по наблюденіямъ на островѣ Явѣ. (Лекція, читанная по возвращеніи изъ путешествія на дальній востокъ). «Зап. И. Харьк. Univ.», вып. I.

Травяныя степи сѣвернаго полушарія. «Изв. И. О-ва Любит. Естеств. Антроп. и Этн.», т. LXXXIII.

Кавказскія цѣпи горъ, параллельныя главному хребту, и ихъ роль въ группировкѣ лѣсной и степной флоры Западнаго Кавказа. «Тр. О-ва Исп. Пр. при Харьк. Univ.», т. XXVIII.

Ботанико-географическій очеркъ Полтавской губерніи. «Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Полтавской губ. Вып. XVI. Изд. Полтав. Губ. Земства. С.-Петербургъ».

Подъ ред. А. Н. Краснова переводъ книги проф. Вальтера. «Море и его жизнь».

1895 г.

Изъ путевыхъ впечатлѣній подъ тропиками. «Историч. Вѣстн.», январь.

Русскіе тропики. «Истор. Вѣстн.», февраль.

Край свѣта. «Ист. Вѣстн.», май.

Какъ живутъ китайцы. Изд. Харьк. О-ва Грам. Харьковъ.

Чай и будущность его въ Россіи. «Трудъ», № 1.

Къ флорѣ бассейна р. Чаквы. «Тр. О-ва Исп. Пр. при И. Харьк. Ун.», т. XXVIII.

Основы землевѣдѣнія. Вып. I. Исторія картографіи, форма земли, распредѣленіе суши и ея строеніе. Вып. II. Атмосфера, ея дѣйствіе на сушу и море, климаты суши и явленія на морѣ, ею создаваемыя. Харьковъ.

1896 г.

Отчетъ Физико-Математическому факультету о совершаемыхъ студентами Харьковского Университета научно-педагогическихъ географическихъ экскурсіяхъ по Кавказу. «Зап. И. Харьк. Univ.».

Очерки природы и жизни въ Гавайской республикѣ. «Ист. Вып.», ноябрь, октябрь.

Элементарный курсъ ботаники, составленный для школы садоводства Полтавскаго Губернскаго Земства. Полтава.

Дальній востокъ Азіи, характерныя черты его природы и значеніе его культуръ для Закавказья. «Ест. и Геогр.», ноябрь—декабрь.

Beobachtungen aus dem Gebiet der nordostasiatischen Inselwelt. «Verhandl. d. Gesellsch. f. Erdkunde z. Berlin».

Изъ колыбели цивилизації. (Письма изъ кругосвѣтнаго плаванія). «Кн. Нед.», январь—декабрь.

1897 г.

Изъ колыбели цивилизації. (Письма изъ кругосвѣтнаго плаванія). «Кн. Недѣли», январь—декабрь.

Чайные округи субтропическихъ областей Азіи (Культурно-географическіе очерки дальняго востока). Вып. I. Японія.

Основы землевѣдѣнія. Вып. III. Формы поверхности суши и дѣятели ихъ создающіе. Харьковъ.

1898 г.

Чайные округи субтропическихъ областей Азіи. (Культурно-географическіе очерки дальняго востока). Вып. II. Китай. Индія и Цейлонъ. Колхида.

Отъ Суэца до Каира. «Кн. Недѣли», іюнь.

Нѣсколько замѣчаній по поводу разбора книги «Чайные округи Азіи», составленнаго проф. Воейковымъ. «Изв. И. Р. Геогр. О-ва» т. XXXIV.

Подъ ред. А. Н. Краснова перев.: Бетани и Дугласъ «Великія религіи Востока».

1899 г.

Основы землевѣдѣнія. Вып. IV, ч. 1. Географія растений. Законъ распредѣленія растений и описаніе растительности земного шара.

1900 г.

О полярныхъ странахъ. Изд. Харьк. О-ва Грам. Харьковъ.

Наши желтые сосѣди. «Ю. К.» 20 XI, 1, 9, 15 XII.

Объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ и измѣреніяхъ въ Харьковскомъ и Валковскомъ уѣздахъ. «Русск. Антрополог. Журн.», № 2.

Die Flora der südrussischen Steppen, ihre Verbreitung und die Geschichte ihrer Ansiedelung. «Verhandl. d. VII internat. Geographen—Kongresses in Berlin».

Die Stellung von Kolchis in den feuchten subtropischen Gebieten der Erde. Ibid.

Предварительный отчетъ о поѣздкѣ на берегъ Азовскаго моря. «Тр. Харьк. О. Исп. Пр.».

1902 г.

Береговая полоса Сочинскаго района и особенность распредѣленія ея почвы и растительности. «Сборникъ статист. свѣдѣній по Закавказью».

Матеріалы для антропологии русскаго народа. «Русск. Антрополог. журн.», № 3.

1903 г.

Нужны ли Японцамъ Манджурія и Корея. «Ю. К.».

Подъ ред. и съ примѣчаніемъ и дополненіемъ проф. А. Н. Краснова вышелъ переводъ *Вильгельмъ Сиверсъ*. Азія.

Вильгельмъ Сиверсъ и *Вилли Кюкенталь*. Австралія, Океанія и Полярныя страны (годъ этихъ изданій точнѣе не обозначенъ).

1905 г.

Матеріалы для ознакомленія съ грязевыми вулканами восточнаго Закавказья. «Тр. Общ. Исп. Пр. при И. Харьк. Унив.», т. XXXIX, вып. II.

1906 г.

Письма изъ Софіи (Nemo). «Ю. К.» 13, I.

Всемирный Университетъ (Мечтатель). «Ю. К.», 17, I.

Очерки Закавказья. «Ю. К.» 14, 24, II, 7, 14, III.

Злобы дня городского неблагоустройства. «Ю. К.» 21 III.

Весенніе бюллетени. «Ю. К.» 21 III.

Изъ доисторическаго прошлаго Харьковскаго края. «Ю. К.» 14 IV.

Два восхожденія на Везувій. «Ю. К.» 6 V.

Наши учебники. «Ю. К.» 17 V.

Вдоль и поперекъ Европы. По Дунаю. «Ю. К.» 25 VII. По венгерской пуштѣ. 2 VIII. Венеція. 8 VIII. Бѣглый взглядъ на Ривьеру. 17 VIII. Колоніальная выставка въ Марселѣ. 22 VIII. Бой быковъ въ Южной Франціи. 29 VIII. Вершины горъ и полярныя страны. 16 IX.

По поводу студенческаго общежитія. «Ю. К.» 12 IX.

Изъ этнографіи Новороссіи. «Ю. К.» 12 X.

Къ вопросу о народномъ Университетѣ въ Харьковѣ. «Ю. К.» 20, 21, X.

Къ этнографіи Екатеринославской губ. «Ю. К.» 4 XI.

Этнографическіе очерки Екатеринославской губ. «Ю. К.» 17 XI.

Новости географіи. «Ю. К.» 23, 29 XI, 9 XII.

Очерки растительности и животнаго міра ближайшихъ окрестностей г. Батума. Сборникъ «Батумъ и его окрестности. Изд. Батумск. Городск. Общ. Управл. Батумъ».

1907 г.

Географическія новости. Панамскій каналъ. «Ю. К.» 16 I.

Харьковскіе курсы для рабочихъ, какъ начало русскаго народнаго университета. «Ю. К.» 20 I.

Географическія новости. «Ю. К.» 6 II, 24 III.

Кавказскій бамбукъ. «Ю. К.» 18 II.

Петербургское общество народныхъ университетовъ и его дѣятельность. «Ю. К.» 7 III.

Географія и дарвинизмъ. «Ю. К.» 5, 18 V.

Народное образованіе въ Австраліи. «Ю. К.» 13 VI.

Письма съ Кавказа. «Ю. К.» 1, 6 VII.

Съ минеральныхъ водъ. «Ю. К.» 4 VIII.

Поездка въ Бруссу. «Ю. К.» 25, 28, VIII, 19 IX, 6, 11 X.

Курсы для рабочихъ и ихъ современное состояніе. «Ю. К.» 3 X.

Воронежскій народный университетъ. «Ю. К.» 29 XII.

Путеводитель по ботаническому саду и оранжереѣ Харьковскаго Ветеринарнаго Института. Изд. «Сборника Тр. Харьк. Ветер. И-та».

Prof. Dr. A. Krassnow in Verbindung mit Prof. Dr. A. Woeikow. Russland. «Länderkunde v. Europa» Herausg. v. A. Kirrchoff. Leipzig—Wien.

1908 г.

По Волгѣ. «Ю. К.» 13 VI.

Что такое наша степь. «Ю. К.» 10, 31 VII.

Кѣмъ населены европейскія колоніи. «Ю. К.» 23 VIII.

По поводу предстоящей колонизаціи Сахалина. «Ю. К.» II IX.

Въ странѣ «Карлычей и Гаврилычей». «Ю. К.» 8, 12, X.

Босфоръ и Дарданеллы. «Ю. К.» 19, X.

По поводу Мессинскаго землетрясенія. «Ю. К.» 24 XII.

Курсъ землевѣдѣнія. Ч. I.

1909 г.

Научный фельетонъ. Новое о происхожденіи гранитовыхъ и известковыхъ породъ. «Ю. К.» 30 I.

Петербургъ въ началѣ 1909 г. «Ю. К.» 13 II.

По поводу открытія Южнаго Полюса. «Ю. К.» 27 III.

Очерки города Путивля. «Ю. К.» 23, 28 VI, 4 VII.

Кавказскій горный клубъ въ Пятигорскѣ. «Ю. К.» 19 VII.

Пятигорскіе лакколиты. «Ю. К.» 23 VII.

Съ чайныхъ плантацій Чаквы. «Ю. К.» 4 X.

Исторія русской флоры. «Естеств. и Геогр.» ноябрь.

Курсъ землевѣдѣнія. Ч. II.

1910 г.

Десятилѣтіе курсовъ для рабочихъ. «Ю. К.» 8 II.

По поводу безпорядковъ въ Китаѣ. «Ю. К.» II IV.

Изъ міра науки. «Ю. К.» 17 IV.

5-й день авіаціи въ Петербургѣ. «Ю. К.» 2, 9 V.

Нужно ли намъ учиться въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ «Ю. К.» 16 V.

Садоводство прежде и теперь. «Ю. К.» 29 V.

Народная энциклопедія научныхъ и прикладныхъ знаній (издан. Харьков. О-ва Грамот.). «Ю. К.» 12, 16 VI.

Мысли на шведской могилѣ. «Ю. К.» 18 VI.

Микробы и иммунитетъ. «Ю. К.» 23 VI.

Черные и бѣлые. Изъ современной американской жизни. «Ю. К.» 2 VII.

Пробужденіе Китая. «Ю. К.» 3 VII.

Народная энциклопедія научныхъ и прикладныхъ знаній Харьковскаго О-ва Грамотности. «Ю. К.» 4 VII.

Какъ д-ръ Эрлихъ пришелъ къ открытію новаго способа—исцѣленія отъ сифилиса. «Ю. К.» 6 VII.

Кавказскія письма. «Ю. К.» 15 VII, 3, 26 VIII.

Aldrovandia vesiculosa на Харьковской выставкѣ акваріумовъ «Ю. К.» 3 IX.

Русскіе тропики. «Ю. К.» 8, 11, 19, 26 IX.

Русскіе тропики. Урочище Цихисъ-Дзири, окрестности Батума, Суукъ-Су и Салибаты. Пionеръ чайнаго дѣла. Сонъ на Черномъ морѣ. «Ю. К.» 7, 14 X. (Перепечатана въ «Батум. Сельск. Хоз.»—1910, 9, 10—11, 12).

Этнографическая коллекція Гогунцова въ Харьковскомъ Университетѣ. «Ю. К.» 20 XI.

Демонстрація прессы. «Ю. К.» 2 XII.

Лекціи по ботаникѣ для студентовъ ветеринарныхъ институтовъ, медиковъ и для самообразованія. Харьковъ.

Натуралистъ на Кавказѣ. Вып. I. Пятигорскъ.

Лекціи по физической географіи. Харьковъ.

Народная Энциклопедія научныхъ и прикладныхъ знаній Харьковского О-ва распространенія въ народѣ Грамотности. Т. VI. Антрополого-Географическій. 1-й полутомъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина (рядъ статей принадлежитъ А. Н. Краснову).

1911 г.

Итоги 1910 года. «Ю. К.» 1 I.

По поводу землетрясенія въ Вѣрномъ. «Ю. К.» 2 I.

Коллекція Гогунцова въ географическомъ кабинетѣ Харьковского Университета. «Ю. К.» 4, 16 I.

Очерки Семирѣчья. «Ю. К.» 18 I.

Семеновъ-Тянь-Шанскій. «Ю. К.» 22 II.

Чудеса хирургіи. «Ю. К.» 19 III.

Японія и Мексика. «Ю. К.» 20 III.

По поводу нашей зимы. «Ю. К.» 23 III.

Первый международный конгрессъ представителей расъ человечества (на 1-й день Пасхи). «Ю. К.» 10 IV.

Пріемъ туристовъ Германскаго Ллойда въ Гаграхъ. «Ю. К.» 4 V.

На турецкой границѣ. «Ю. К.» 7, 13 V. «Р. С.» 4, 5.

Письма къ родителямъ (о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ). «Ю. К.» 4, 8, 10, 17, VI.

Въ Пятигорскѣ. «Ю. К.» 7 VII.

Безсовѣстныя ванны. «Ю. К.» 21 VII.

Машуко (кабардинская легенда) «Ю. К.» 26 VII.

Всемирный конгрессъ народовъ. «Ю. К.» 30 VII, 2, 4, 7, II VIII.

Какъ приходится уѣзжать съ нашихъ минеральныхъ водъ. «Ю. К.» 31 VII.

Основы всеобщаго міра. «Ю. К.» 12 VIII.

Новый русскій курортъ Мацеста. «Ю. К.» 19 VIII.

По поводу празднованія закладки зданія глазной лечебницы. «Ю. К.» 25 VIII.

Народное образованіе въ Новой Зеландіи. «Ю. К.» 26 VIII.

Какъ надо учить географіи. «Ю. К.» 19 X.

Питомники для профессоровъ. «Ю. К.» 2 XI.

Петинскіе курсы для рабочихъ. «Ю. К.» 24 XI.

Что такое современная Персія. «Ю. К.» 27 XI.

Будущность націонализма. «Ю. К.» 13, 14 XII.

Новая Зеландія и ея значеніе для Батумскаго побережья. «Батум. Сельск. Хоз.» 1911, 9.

Начатки третической флоры юга Россіи. «Тр. О-ва Исп. Пр. при И. Харьк. У-тѣ» т. XLIV.

Возможная будущность природы Батумскаго края. Сборникъ «Батумское побережье. Русскіе тропики. Подъ ред. С. А. Анисимова. Батумъ».

Натуралистъ на Кавказѣ. Вып. II. Пятигорскъ.

Батумскій ботаническій садъ и его значеніе для Кавказа и Россіи. «Русск. Мысль», X.

Народная Энциклопедія научныхъ и прикладныхъ знаній Харьковскаго О-ва распространенія въ народѣ Грамотности. т. VI. Антрополого-Географическій 2-й полутомъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. (Рядъ статей принадлежитъ А. Н. Краснову).

1912 г.

Персія и причины ея отчужденности. «Ю. К.» 4 I.

Нашимъ классикамъ. «Ю. К.» 11 I.

Харьковская областная селекціонная станція. «Ю. К.» 5 II.

Почвенно-ботаническое изслѣдованіе Харьковской губерніи. «Ю. К.»

17 II.

Новые русскіе фрукты и овощи. «Ю. К.» 22 II.

Отзывъ о книгѣ Цагарелли «Сашка Жегулевъ». «Ю. К.» 25 II.

Современная школа въ Европѣ и Америкѣ. «Ю. К.» 5 III.

Каковы были первые люди. «Ю. К.» 16 III.

Культура и смертность. «Ю. К.» 21 III.

Выставка весенней природы. «Ю. К.» 16 IV.

Ботаническій садъ Ветеринарнаго Института. «Ю. К.» V.

Столичныя письма. «Ю. К.» 3, 13, 24 VI.

Письма изъ Колхиды. «Ю. К.» 8, 23, 25, 29, 30 VII, 13 VIII, 10 IX, 2, 30 X, 7 XII.

Батумскій ботаническій садъ и его задачи. «Р. С.» 7.

Пеканъ, его культура и будущность въ Колхидѣ. «Р. С.» 7, 8.

Японскій орѣхъ. «Р. С.» 7.

Новозеландскій ленъ и его значеніе для Батумскаго края (пер.). «Р. С.» 7.

Культура цитрусовъ въ Ю.-В. Штатахъ Америки (пер.) «Р. С.» 7, 8.

Алфавитный списокъ полезныхъ и украсительныхъ растений, рекомендуемыхъ для Батумскаго побережья. «Р. С.» 7, 8, 9, 10, 11, 12.

Южная Колхида и ея мѣсто среди другихъ субтропическихъ областей земного шара. «Р. С.» 8, 9, 10, 11.

Разведеніе камфарнаго лавра и добыча камфары (пер.). «Р. С.» 9.

Виноградъ въ Японіи (пер.). «Р. С.» 9.

Культура сладкаго картофеля въ Америкѣ (пер.). «Р. С.» 9, 10, 11, 12.

Культура и производство чая въ Соединенныхъ Штатахъ (пер.). «Р. С.» 9, 11, 12.

Библіографія, хроника въ «Р. С.» 9, 10, 11, 12.

Хинное дерево и возможность его разведенія въ Батумскомъ краѣ. «Р. С.» 10.

Пальмы Колхиды. «Р. С.» 11.

Субтропическая кулинарія. «Р. С.» 12.

Пробѣлы географіи западнаго Кавказа. «Русск. Мысль», кн. IV.

Современная географія и ея новыя теченія. «Природа», июнь.

1913 г.

- Субтропики С. Америки и ихъ значеніе для Батумскаго края. «Р. С.» 12, 13.
- Древодводство въ Н. Зеландіи (пер.). «Р. С.» 1, 2, 3.
- Ландшафтное садоводство Японіи. «Р. С.» 1.
- Субтропическая кулинарія (продолж.). «Р. С.» 1, 7.
- Алфавитный списокъ полезныхъ и декоративныхъ растений, рекомендуемыхъ для Батумскаго побережья (продолж.). «Р. С.» 1, 2, 3, 5—6, 7, 8, 11, 12.
- Библиографія. «Р. С.» 1, 2, 3, 4, 5—6, 7.
- Проектъ организаціи Батумскаго ботаническаго сада. «Р. С.» 1.
- Бамбуки Колхиды. «Р. С.» 1, 2, 3, 4, 5—6, 7, 8.
- Хроника. «Р. С.» 2, 3, 4, 5—6, 7, 8.
- Субтропическій хлопокъ (пер.). «Р. С.» 3.
- Англійское резюме. «Р. С.» 3, 4, 5—6, 7, 8, 9, 10, 11, 12.
- Культура кукурузы въ Америкѣ. «Р. С.» 4.
- Тропическія горы и ихъ значеніе для флоры Колхиды. «Р. С.» 5—6.
- Культура кукурузы въ Южн. штатахъ Америки (пер.). «Р. С.» 5—6.
- Гималайская флора и ея значеніе для южной Колхиды. «Р. С.» 5—6.
- Культура цитрусовъ. «Р. С.» 7, 8, 9.
- Какъ получить доброкачественныя сѣмена кукурузы (пер.). «Р. С.» 7, 8.
- Среднее Чили и его значеніе для южной Колхиды. «Р. С.» 8.
- Батумскій ботаническій садъ за первый годъ его организаціи. «Р. С.» 9.
- Южная Колхида, какъ единственная субтропическая область Россіи. «Р. С.» 10.
- Что можно садить на берегу моря (пер.). «Р. С.» 11.
- Эффектныя растенія Чили. «Р. С.» 11.
- Отчетъ о дѣятельности журнала «Русскіе субтропики въ 1913 г.». «Р. С.» 12.

1914 г.

- Что можетъ дать новозеландская флора нашему краю. «Р. С.» 1.
- Лаковое дѣло въ Японіи. »Р. С.» 1, 2.
- Сельскохозяйственный обзоръ Батумской области. «Р. С.» 1.
- Ферментація чайнаго листа (пер.). «Р. С.» 1, 2.
- Алфавитный списокъ полезныхъ и декоративныхъ растений, рекомендуемыхъ для Батумскаго побережья (продолж.). «Р. С.» 1, 3, 4, 5, 6, 7—8.
- Библиографія. «Р. С.» 1, 7—8.
- Англійское резюме. «Р. С.» 1, 2, 3, 4, 5.
- Таблица для опредѣленія попадающихъ на Черноморскомъ побережьи и въ южн. Колхидѣ видовъ рода эвкалиптусъ. «Р. С.» 2.
- Факторы, опредѣляющіе доброкачественность чаевъ (пер.). «Р. С.» 3.
- Родсова трава. «Р. С.» 3.
- Американская литература о цитрусахъ. «Р. С.» 3.
- Хроника. «Р. С.» 3, 5.
- Опыты надъ измѣненіемъ качества чаевъ (пер.). «Р. С.» 4, 5, 6.
- Какъ получить волокно изъ новозеландскаго льна. «Р. С.» 4.

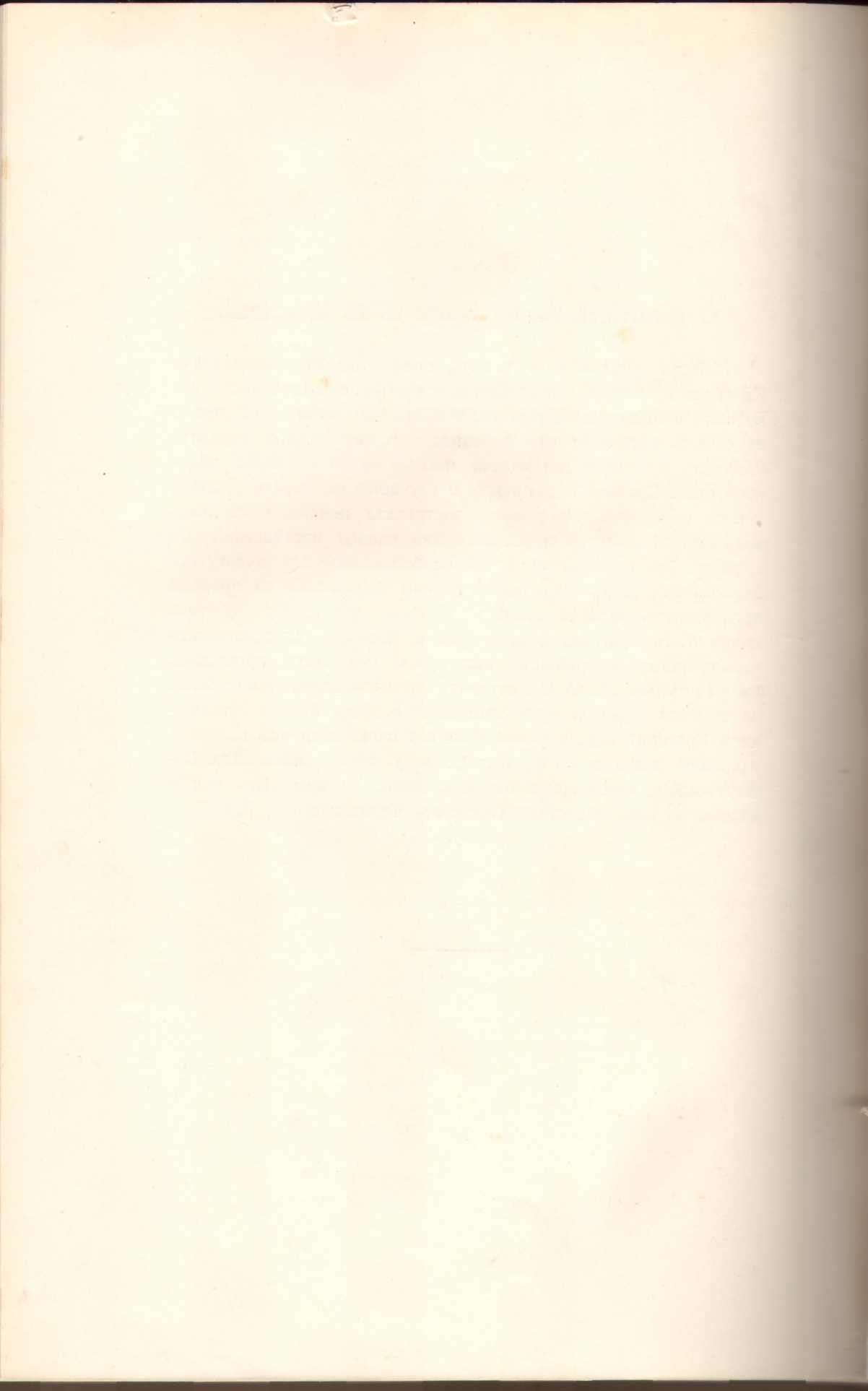
- Бамбукъ въ западной Европѣ. «Р. С.» 4.
 Японскіе бамбуки въ Батумскомъ ботаническомъ саду. «Р. С.» 5.
 Первый опытъ путеводителя по Батумскому ботаническому саду.
 «Р. С.» 6, 7—8, 9—10, 11—12.
 Евкалипты и ихъ значеніе для Батумскаго побережья. «Р. С.» 7—8.
 Бамбуки Индіи. «Р. С.» 7—8.
 Флора Австраліи и ея значенія для Южной Колхиды. «Р. С.» 9—10.
 Культура и утилизація австралійскихъ акацій (пер.). «Р. С.» 9—10.
 О современной подрѣзкѣ чая. «Р. С.» 9—10.
 О направленіи журнала въ 1915 г. «Р. С.» 11—12.
 По Франціи во время войны. «Ю. К.» 4 IX.
 Въ Парижѣ въ моментъ объявленія войны. «Ю. К.» 11 IX.

1915 г.

Южная Колхида «Знаніе для всѣхъ». Изд. П. П. Сойкина.

О капиталѣ имени проф. А. Н. Краснова.

Желая увѣковѣчить память проф. Андрея Николаевича Краснова и какъ бы навсегда сохранить преемственность его высокой инициативы, Харьковское Общество Любителей Природы въ своемъ засѣданіи отъ 20 марта с. г. постановило учредить капиталъ его имени для выдачи пособій на изслѣдованіе мѣстнаго края. Крайняя медленность и случайность, съ какой идетъ у насъ изученіе своей родины, заставляло покойнаго съ лихорадочной спѣшностью переходить отъ одного изслѣдованія къ другому. Эти пробѣлы въ столь необходимомъ для культурно-экономическаго развитія нашей родины въ познаніи ея природы продолжаютъ зиять и сейчасъ. Поэтому учрежденіе капитала имени А. Н. Краснова имѣетъ цѣлью посильно способствовать планомѣрному скорѣйшему заполненію подобныхъ пробѣловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, О-во надѣется, что его мысль встрѣтитъ откликъ со стороны всѣхъ, кому воспоминаніе о проф. Андреѣ Николаевичѣ Красновѣ дорого или въ комъ настоящій сборникъ вызоветъ искреннія симпатіи къ одухотворенному образу покойнаго. Пожертвованія, не смущаясь ихъ величиной, должны быть направляемы на имя Общества (*Харьковъ, Чернышевская, 82*).

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	3
П. К. Андрей Николаевичъ Красновъ. (Матеріалы для біографіи)	5
Прив.-доц. В. И. Таліевъ. Проф. А. Н. Красновъ, какъ ученый	37
Его же. Ботанико-географическія работы А. Н. Краснова . . .	52
Прив.-доц. А. М. Покровскій. А. Н. Красновъ, какъ географъ	71
В. Томенко. Просвѣтительная дѣятельность проф. А. Н. Краснова среди рабочихъ	78
Германъ Генкель. Проф. А. Н. Красновъ въ Батумѣ. (Изъ личныхъ воспоминаній)	85
І. Чепурный. Проф. А. Н. Красновъ въ личной жизни. (Изъ воспоминаній)	93
Акад. В. И. Вернадскій. Изъ прошлаго. (Отрывки изъ воспоминаній объ А. Н. Красновѣ)	96
Изъ переписки А. Н. Краснова. Письма А. Н. Краснова къ В. И. Вернадскому 1888 года	114
Проф. Д. Коневъ. Воспоминанія объ Андреѣ Николаевичѣ Красновѣ	133
Изъ произведеній А. Н. Краснова. Географія, какъ новая университетская наука	142
Изъ колыбели цивилизаціи. (Письма изъ кругосвѣтнаго путешествія)	154
Сонъ на Черномъ морѣ.	172
Военно-Осетинская дорога.	181
Іоллоустонскій паркъ.	203
Библіографическій указатель печатныхъ работъ, статей и замѣтокъ проф. А. Н. Краснова.	215
О капиталѣ имени проф. А. Н. Краснова.	225

72 / 20

Замѣченныя опечатки.

Страница	Строчка	Напечатано	Слѣдуетъ
28	12 сверху	ученнымъ	ученымъ
28	12 »	выказалъ	выказалъ
61	2 снизу	Tong-kulam-prao	Tong-kuban-prao
62	17 сверху	растительности и	растительности
68	4 снизу	осуществленіе	осуществленіе.
		(см. проф.	Проф.
68	3 »	Флоры». 1916	Флоры» (1916
69	11 сверху	вриман:е	вниманіе

